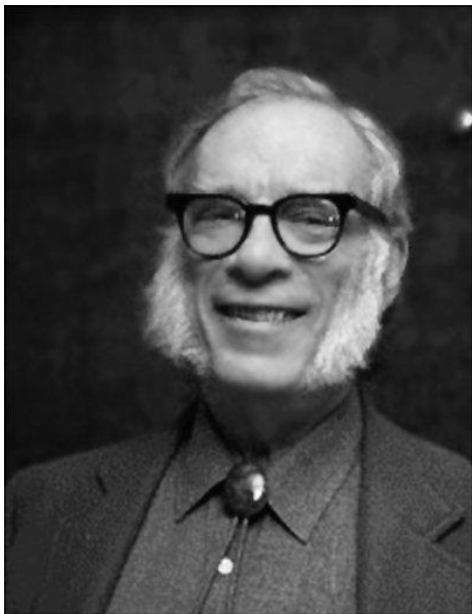

**Е. К. Васильева, Ю. С.
Пернатъев, В. М. Складенко
Знаменитые писатели**

**Айзек Азимов
(2.01.1920 — 6.03.1992)**

*Американский писатель-фантаст,
популяризатор науки.*

*Автор более 460 научно-популярных книг,
сборников рассказов и романов, в том числе «Я,
робот», «Стальные пещеры», «Обнаженное
солнце», «Установление», «Установление и
империя», «Второе установление», «Установление
в опасности», «Камушки в небесах», «Космические
течения», «Сами боги», «Конец Вечности» и др.*

Американскому писателю Айзеку Азимову, видимо, принадлежит один из уникальных литературных рекордов. На его счету 467 научно-популярных книг, повествующих обо всем интересном, что создано человеком как в мире вещественном, так и в мире безудержной творческой фантазии. Трудолюбие и плодовитость Азимова давно уже стали легендарными. Американский фантаст Артур Кларк по этому поводу шутил: «Он имеет четыре пишущих

электромашинки и может печатать сразу четыре книжки двумя руками и двумя ногами. А сколько он извел деревьев! Чтобы издать его произведения, пришлось уничтожить $5,7 \times 10^{16}$ микрогектаров леса. Азимов — это настоящая экологическая катастрофа. Но, несмотря на все это, он — не робот».

Считается, что Азимов был научным фантастом, хотя это определение не совсем точное. Его произведения, скорее, можно назвать детективной фантастикой или фантастическими детективами, поскольку хитроумные логические построения сближают Азимова больше с А. Конан Дойлом и А. Кристи, чем, например, с И. Ефремовым или Р. Шекли.

Блестящий ум сочетался у Азимова с мечтательностью. И поэтому ему не суждено было стать ни чистым ученым, ни чистым беллетристом. Зато ему, как редко кому из писателей, удавались произведения, в которых можно было излагать самые невероятные теории, строить умозрительные цепочки, предполагающие множество версий, но имеющие лишь одно верное решение. Возможно, поэтому в лучших книгах писателя заложено детективное начало, а его любимые герои Э. Бейли и Р. Оливо по профессии сыщики. И хотя романы Азимова нельзя причислить к «чистым» детективам, в них всегда присутствует некая тайна,

безупречные логические выводы и тонкая интуиция героев.

Айзек Азимов родился 2 января 1920 г. в Белоруссии. Когда мальчику исполнилось три года, родители эмигрировали в США и поселились в Бруклине в Нью-Йорке, где открыли кондитерскую лавку. Семейный бизнес позволил им жить вполне благополучно, а кроме того, собрать достаточно средств, чтобы дать любимому Айзеку приличное образование. Этой возможностью юный Азимов воспользовался сполна. Едва выучившись читать, он обнаружил тягу к точным наукам. В девять лет впервые прочитал научно-фантастический журнал, в одиннадцать окончил школу, в пятнадцать — колледж, в девятнадцать получил диплом бакалавра Колумбийского университета, через два года — ученую степень магистра, а в двадцать семь лет уже был доктором наук. В 1949 г. молодой и талантливый ученый возглавил кафедру биохимии медицинского факультета Бостонского университета.

Такая научная карьера, впрочем, не казалась самому профессору слишком стремительной. Позже в романе «Дыхание смерти», весьма точно изобразив университетскую среду, он вывел образ доцента Льюиса Брейда, страдавшего из-за того, что слишком поздно получил профессорскую

должность. Автобиографичность героя была очевидной: Азимов, вероятно, полагал, что профессором он должен был стать гораздо раньше.

Молодой преподаватель избрал путь кабинетного ученого, так как путешествовать он не любил, потребности в резкой смене впечатлений не испытывал, а потому погрузился в присущий только ему мир фантазий и образов. Тот же Артур Кларк, приветствуя Азимова на заседании общества научных знаний в Лондоне, куда писатель наконец-то приехал после многочисленных приглашений, шутливо заметил, что нелюбовь Азимова к путешествиям лишает его возможности стать лауреатом давно заслуженной международной премии Калинги. Дело в том, что эта премия вручается слишком далеко от Америки, в Дели.

В молодости Айзек Азимов пополнял свои знания, в основном, в публичных библиотеках. Читал все подряд, от первой до последней книжки на полке, увлекался историей, естествознанием, точными науками. Как ученый он сначала сделал выбор в пользу зоологии, затем, будучи уже на втором курсе университета, решил посвятить себя химии. Но из всех ее разделов необходимо было остановиться на чем-то одном. Этим «одним» оказалась биохимия. Однако и это направление показалось Азимову слишком общим, чтобы заниматься серьезными научными исследованиями.

И он еще более сузил поле деятельности, избрав для себя одну тему — нуклеиновые кислоты.

Достигнув определенных успехов в биохимии, Азимов почувствовал, что ему достался слишком ничтожный участок в «саду науки», а познать хотелось все. И тогда он решил освободиться от пут специализации, и если не обойти «весь сад», то, во всяком случае, оглядеть его сверху. Так возникло желание изложить на бумаге все то, что открывалось молодому ученому в обозреваемом научном мире.

Целую серию составили очерки Азимова по различным отраслям науки и техники. Частично эта серия складывалась из статей, ежемесячно публиковавшихся в журнале «Фэнтези энд сайенс фикшн», где Азимов 20 лет проработал научным редактором. Тематика была самой разнообразной — от физики и астрономии до истории и психологии.

Писатель отдавал предпочтение не углубленному детальному анализу, а обзорам и очеркам-эссе. Он выражал свои мысли образно, точно, писал просто о сложном, что и обеспечило успех его научно-популярных работ среди широкого круга читателей.

Фантастикой Азимов увлекся еще в юности. Уже в 19-летнем возрасте он опубликовал рассказ «Покинутый на Весте», а через несколько лет, когда

появились первые книги о роботах и новеллы из галактической эпопеи «Установление», стал, по мнению критиков, серьезным писателем.

В эпическом цикле «Установление» главным действующим лицом впервые в научной фантастике стал робот по имени Р. Даниэл Оливо. Он — существо совершенное, и по мере развития сюжета проявляет качества, не свойственные обычному человеку. А в пятой части книги он уже занимает чуть ли не место самого Творца Вселенной и вершителя человеческих судеб.

Вообще, азимовские роботы — это нечто наиболее поразительное из всего созданного писателем. Он «очеловечил» эти мыслящие машины, придав им самые разнообразные черты и качества, проявляющиеся в отношениях с людьми. Сформулированные Азимовым «три закона робототехники», были приняты в научно-фантастической литературе практически безоговорочно. Они и звучат как самый серьезный научный постулат:

1. Робот не может причинить вред человеку или своей бездеятельностью позволить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен подчиняться командам, которые дает ему человек, за исключением тех случаев, когда эти команды противоречат первому закону.

3. Робот должен оберегать свое существование, если это не противоречит первому и второму закону.

Как правило, главные герои произведений Азимова — это мыслящие машины различных конструкций, они действуют в сложных, а часто и критических обстоятельствах. Особенно привлек читателей образ исследователя Сьюзен Келвин, которая лучше, чем кто бы то ни было, понимает их тонкую психологию. Рассказы, объединенные в единый цикл «Я, робот», оказали, вероятно, не меньшее влияние на развитие научной фантастики, чем «Машина времени» Уэллса.

Позднее Азимов обратился к роботам в романах «Стальные пещеры» и «Обнаженное солнце», в которых человек Лайдж Бейли и тот же робот Даниэл Оливо раскрывают загадочные преступления. Писатель характеризует Даниэла как сильное, идеально уравновешенное, разумное, неподвластное эмоциям существо, действия, которого, правда, ограничиваются тремя законами робототехники.

Этот робот оказался настолько привлекательным, что Азимов стал получать множество писем, особенно от читательниц, которые выражали свои искренние симпатии Даниэлу и настолько им увлеклись, что настоящие люди в произведениях писателя им уже казались

менее интересными героями. Эти отзывы заставили писателя задуматься над проблемой: если машина мыслит как человек, и даже лучше, то, возможно, и не важно внешнее подобие человека и машины. И тогда на следующем этапе появилась совершенная ЭВМ, названная автором Мультиваком, — хранилище всей мировой статистики и ежедневных мировых новостей. Гипотеза о необозримом электронном мозге стала весьма распространенной в американской фантастике. Азимову она дала повод для дальнейших философских размышлений в романах «Все грехи мира», «Последний вопрос» и др. Подводя итоги своим творческим изысканиям, Азимов делает вывод: «Род людской выживет, если смелее будет смотреть в лицо настоящему, а не держаться за прошлое, если будет иметь мужество принимать исторические изменения, а не противоборствовать им».

Айзек Азимов прожил 72 года. Он умер 6 марта 1992 г. в клинике нью-йоркского университета. За несколько лет до своей кончины писатель произнес один из самых блестящих монологов о книге, настоящий панегирик древнему и самому совершенному средству познания. В нем, в частности, он утверждал: «Пусть книга — вещь давняя, для нас она в то же время и самая совершенная, и читателей от нее ничто не может отлучить. Таким образом, вопреки всем заявлениям

о кассетах и компьютерах, писатели не выйдут из моды никогда и не уйдут в безвестность. Писанием книг богатства, возможно, и не наживешь (в конце концов, что такое деньги?), но профессия эта будет существовать всегда».

Эти слова Айзек Азимов подтвердил всем своим творчеством, подняв писательскую профессию до уровня великой мысли, синтезировав высокое искусство и серьезную науку.

Ханс Кристиан Андерсен (2.04.1805 — 4.08.1875)

Датский писатель.

Романы «Импровизатор», «Только скрипач», «Две баронессы»; сборник «Сказки, рассказанные для детей» (кн. 1–3); сборник миниатюрных новелл «Книга картин без картин»; книга «Путешествие пешком от Холменского канала до восточного мыса острова Амагер»; книга путевых очерков «Базар поэта»; автобиографическая книга «Сказки моей жизни»; пьеса «Мулат».

В истории литературы мало найдется писателей, заслуживших такие восторженные

определения, как «великий сказочник», «добрый волшебник», «кудесник из мира детских грез», «король сказки». Андерсен в этом немногочисленном ряду стоит первым. Долгие годы он считал свои чарующие истории чем-то вроде развлечения, отдавая все силы серьезному писательскому ремеслу — романам, пьесам, стихотворениям, путевым очеркам. И очень переживал, когда его прозаические и драматические произведения не имели успеха у читателей и критиков.

Только в конце жизни трезво оценив свой подлинный дар, Андерсен признался, что радость пришла к нему в образе «Музы, одарившей всем богатством сказок, которые и есть лучшее в мире золото, то золото, которое блестит в детских глазах и звенит смехом из детских уст». Андерсен и сам умел радоваться, хотя его детство, казалось, и не давало для того особых поводов.

Ханс Кристиан Андерсен родился 2 апреля 1805 г. в небольшом датском городке Оденсе в семье сапожника и прачки в самый разгар наполеоновских войн. Он рано лишился отца, но все же сохранил в памяти отцовские забавы — изготовление разных затейливых игрушек. Вообще же город Оденсе славился своими резчиками по дереву. Мастера делали не только алтари и статуи святых, они вырезали из больших кусков дерева

фигуры, которые по морскому обычаю украшали форштевни больших парусников.

Семья Андерсенов жила небогато. Кристиану приходилось трудиться и в мастерской, и на фабрике, учиться в школе для бедных. Общаясь с простыми людьми городка, Андерсен любил слушать легенды и предания, которые позже легли в основу его сказочных историй. Он и сам с детства пристрастился к сочинительству после того как стал постоянным посетителем городского театра. Кристиан даже подружился с расклейщиком афиш Петером и помогал тому расклеивать афиши по городу, а в награду получал по одной афише с каждого спектакля. По названию пьес и составу действующих лиц, напечатанных в этих афишах, Ханс придумывал свои собственные истории.

Вскоре Кристиана стали приглашать для участия в массовых сценах, что породило у подростка мечту стать актером.

Мать эту мечтательность сына не одобряла. Она считала, что мальчику следует изучить какое-либо серьезное ремесло, чтобы прокормиться в будущем. Наиболее подходящим делом, по ее мнению, была профессия портного. Но Андерсен, хотя и научился шить и вырезать из бумаги узоры и силуэты танцовщиц, мечту свою не оставлял. В четырнадцать лет, отпросившись у матери, он на

свои скудные сбережения отправился в Копенгаген искать счастья.

Город встретил его не очень приветливо. Кристиан попытался было стать певцом или балетным актером, но из этих попыток ничего не вышло. Тогда он задумал проявить себя в поэзии, и тут удача вроде бы улыбнулась юноше. В 1822 г. Андерсену посчастливилось издать сборник «Юношеские пробы», куда вошли некоторые его ранние пьесы, новеллы и стихи. Вскоре, однако, начинающий писатель почувствовал, что ему недостает элементарных знаний. Он принялся за учебу, не оставляя в то же время литературных занятий.

В 1828 г. Андерсен стал студентом Копенгагенского университета. Он жил на гроши, и даже когда его стали все чаще печатать, литературных заработков едва хватало на жизнь.

Первая пьеса «Любовь на башне св. Николая, или Что скажет партер» была поставлена в 1829 г. на сцене Датского Королевского театра. С тех пор Андерсен всего себя посвящает творчеству, и этот труд не прерывается никакими личными событиями, вот почему биографы охотнее всего рассказывают о детских и юношеских годах писателя, ибо дальнейшая его жизнь целиком была отдана литературе.

Правда, случались у него и серьезные любовные увлечения. Первой причиной сердечных страданий стала сестра университетского приятеля, девушка из добропорядочной бюргерской семьи. «Не делайте меня несчастным, — умолял Кристиан свою возлюбленную, — я могу стать кем угодно для вас, я буду вам служить и сделаю все, что потребуют ваши родители». Увы, это искреннее чувство осталось без ответа. Семья девушки вовсе не хотела иметь зятем нищего литератора. Андерсен впервые испытал горькое чувство отвергнутого поклонника.

И все же он не считал себя несчастным, несмотря на то, что ему нередко давали понять, что в датской литературе он человек посторонний, что ему, сыну сапожника, нечего рассчитывать на громкий успех, а неумение жить — один из самых серьезных пороков в обществе.

«Все хорошее во мне топтали в грязь», — с горечью вспоминал писатель, сравнивая себя с тонущей собакой, в которую мальчишки швыряют камни ради забавы. Можно только восхититься мужеством Андерсена, сумевшего сохранить жизнелюбие, достоинство и чувство гордости в самых унижительных положениях.

До некоторых пор молодой писатель четко не осознавал, в чем его настоящая сила. И только в путевом очерке «Путешествие пешком от

Холменского канала до восточного мыса острова Амагер» в 1828–1829 гг. он дал некоторую свободу своей фантазии. Это было уже не подражательное, а чисто андерсеновское произведение, в котором явственно проступил оригинальный стиль.

Получив небольшой гонорар за свои книги, Андерсен первым делом решил совершить путешествие по Европе. Он не только хотел увидеть новые страны, но и встретиться с европейскими писателями, поэтами, художниками, музыкантами. И такой счастливый случай судьба ему предоставила. В Париже он был гостем Виктора Гюго и знаменитой французской артистки Рашель, беседовал с Бальзаком, посетил своего любимого поэта Генриха Гейне. Александр Дюма-отец водил Кристиана по недорогим парижским ресторанам. Вагнер, Шуман, Мендельсон, Россини и Лист играли для молодого датчанина свои сочинения. В Лондоне Андерсен встретился с Чарльзом Диккенсом.

Обладая великолепной памятью и уникальным даром импровизации, Андерсен писал быстро и легко. Не случайно и свою повесть об Италии, стране, которую Кристиан очень любил, он назвал «Импровизатор». Кстати, в «Импровизаторе» дан портрет итальянского поэта, влюбленного в певицу. Эта любовная история носит автобиографический характер. В 1843 г.

Андерсен, к тому времени уже известный сказочник, познакомился со «шведским соловьем», певицей Иенни Линд и влюбился в нее без всякой надежды на взаимность. В том же году появилась и знаменитая сказка «Соловей», в которой маленькая птичка своим изумительным пением заставила заслушаться саму Смерть.

После «Импровизатора» Андерсен выпустил в свет роман под названием «Только скрипач», а параллельно работал над первой книгой «Сказки, рассказанные детям». В нее вошли истории и сказки, ставшие самыми любимыми для детей многих поколений из разных стран — «Новое платье короля», «Русалочка», «Огниво», «Принцесса на горошине». Пожалуй, самое привлекательное в этих сказках — их доброта и отсутствие всякого морализаторства.

Сказочную тему Андерсен развивал по двум направлениям: с одной стороны, он постепенно сужал элемент фантазии, то есть как бы «приземлял» волшебные фигуры и образы, вводя элементы быта; с другой — расширял тематику сказок, обогащая тем самым сам сказочный жанр. Ремесленники, сапожники, мастеравые, трактирщики, пастухи, аптекари и студенты становились равноправными героями наряду с птицами, животными, цветами, насекомыми и обыкновенными домашними предметами. Так, в

сказках «величиной с орех» возникал целый мир, населенный причудливыми говорящими существами и живыми людьми, хорошо понимавшими язык фантастических персонажей.

Сказки, публиковавшиеся в 1843–1848 гг., были собраны в одну книгу под названием «Новые сказки». Она окончательно закрепила за писателем славу лучшего сказочника. «Новые сказки» — это уже истории, полностью придуманные самим Андерсеном. В них писатель предстает не просто добрым сказочником, но мудрецом, умеющим через притчу, метафору, ненавязчивую проповедь передать важную философскую мысль, доступную для понимания и взрослым, и детям.

В дальнейшем Андерсен стал именовать свои книги не только сказками, но и историями. Он сам объяснил причину такого изменения: «Истории» — именно то название, которое я считаю наиболее подходящим в нашем языке для моих сказок. Народный язык подразумевает под этим заглавием и простое повествование, и наиболее смелое порождение фантазии; нянькины истории, басня и рассказ — обозначаются ребенком, крестьянином и простолюдинами словом «история». Норвежский писатель Бьернсон отмечал: «У него (Андерсена), видит Бог, и драма, и роман, и философия наличествуют в сказке... Эта необузданность и то, что весь мир трагического, комического,

лирического, эпического, песни, проповеди, шутки, все живое и безжизненное сливаются здесь воедино, как в раю».

Несмотря на невзгоды и лишения детских и молодых лет, Андерсен все же прожил счастливую жизнь, увенчанную под конец мировой славой. В Дании, где дольше всего не признавался его талант, в декабре 1867 г. писателя избрали почетным гражданином родного города Оденсе.

Умер Ханс Кристиан Андерсен 4 августа 1875 г. За гробом великого сказочника шли бедняки и министры, студенты и датский король, школьники и иностранные послы — почитатели «духовных деток», как называл свои сказки сам Андерсен.

Джон (Хойер) Апдайк (18.03.1932 — 27.01.2009)

Американский прозаик и поэт.

Романы «Ярмарка в богадельне», «Давай поженимся», «Кентавр», «Иствикские ведьмы», «Кролик, беги», «Кролик исцелившийся», «Кролик разбогател», «Кролик на покое»; повесть «Ферма»; сборники рассказов «Голубиные перья», «Музыкальная школа», «Музеи и женщины» и др.

Ведущей темой своего творчества писатель Джон Апдайк избрал жизнь американской провинции и нравы ее среднего класса. Тема в прозе Нового Света не новая. Но именно Апдайка критики назвали «чутким барометром американского темперамента», имея в виду то, что писатель смог точно передать надежды и страхи героев своих произведений сквозь призму извечных человеческих проблем — религии, секса и смерти.

Такое глубокое знание провинциальной жизни объясняется просто: Джон Апдайк родился в маленьком городке Шиллингтон, штат Пенсильвания, где всё у всех было на виду, и любая новость сразу же становилась достоянием всех. Он был сыном эмигрировавшего из Нидерландов скромного учителя, его мать происходила из семьи немецких эмигрантов.

Детство Джона, как он позже сам скажет в одном из интервью, прошло под знаком двух катастроф: депрессии 30-х годов (отец Апдайка долго оставался безработным, а семья матери вынуждена была продать ферму) и Второй мировой войны. Воспитывался он в семье деда, а по окончании школы изучал литературу в Гарварде. Это престижное заведение Джон закончил в 1954 г. с отличием, но только изучением литературы не удовлетворился. В том же году он приехал в Оксфорд, где занимался в Рускинской школе рисования и изобразительных искусств. Но свою детскую мечту стать художником Апдайку осуществить все же не удалось. Он увлекся журналистикой и, возвратившись в 1955 г. в Соединенные Штаты, начал работать в журнале «Нью-Йоркер». Собственно, работа была связана не столько с журналистикой, сколько с литературой. Начав с репортажей, стихов и карикатур, Джон вскоре перешел на короткие рассказы, став, таким

образом, штатным писателем журнала, а два года спустя возглавил в нем отдел критики.

В 1953 г. Апдайк женился на Мэри Энтивистл Пеннингтон. Брак поначалу казался счастливым, у супругов родилось четверо детей. Тем не менее, после 14-летней совместной жизни последовал развод, а спустя 10 лет Джон женился вторично на Марте Раглз Бернард.

В 1957 г. Апдайк ушел из журнала и переехал с семьей в Беверли Фармс под Бостоном (штат Массачусетс), который с тех пор стал его постоянным местом жительства.

Карьера Джона Апдайка как профессионального литератора началась с 1958 г. Его первые опыты были стихотворными, они и составили поэтический сборник «Деревянная курица и прочие ручные создания», затем вышла вторая книга стихов под названием «Та же дверь». В дальнейшем Апдайк продолжал писать стихи, правда, изменив лирическую тональность на ироническую. А вот в ранних рассказах проступала иная тема — грусть прощания с детством и юностью. Грусть переходила в тоску, сопровождавшуюся постоянным ощущением неблагополучия и даже трагического восприятия мира.

Первый роман Апдайка «Ярмарка в богадельне», вызвавший живой интерес у публики,

помечен 1959 г. В нем автор изобразил взаимоотношения обитателей приюта для бедных.

А в 1960 г. был опубликован роман «Кролик, беги», который сделал автора уже знаменитым. Тема одиночества, неизбежного, непреодолимого даже в самой маленькой и, казалось бы, наиболее спаянной частичке общества — семье, выражается здесь особенно отчетливо. С Гарри Энгстромом по кличке Кролик в литературу вошел типичный апдайковский герой: средний американец, инфантильный, неустроенный, запертый в тесном мирке своей семьи, не умеющий противостоять потребительскому обществу и спасающийся от всех неприятностей и конфликтов бегством.

В 1968 г. Апдайк издал роман «Супружеские пары», мгновенно ставший бестселлером. Местом действия снова оказался маленький провинциальный городок в Новой Англии, который захлестнула волна сексуальной революции. Свои основные темы — секс и религия — Апдайк развил в последующих произведениях — «Месяц воскресений» и «Версия Роджера».

Романы, а также публицистика писателя, в которой критикуются нравы современного общества, снискали Апдайку славу христианского писателя. Иной резонанс получил роман «Иствикские ведьмы», в котором автор в ироничном духе рассказал о трех современных

«ведьмах» — разведенных женщинах, попавших «в сети черта», столичного холостяка. Критика и читатели приняли роман весьма прохладно. А вот одноименный фильм, поставленный по этому роману, с участием голливудских звезд во главе с Джеком Николсоном, имел огромный успех.

В 1971 г. Апдайк вернулся к повествованию о жизни Кролика. Во втором романе о Гарри Энгстроме «Исцелившийся Кролик» события происходят на фоне злободневных реалий США 60-х годов — борьбы негров за свои права, движения хиппи, высадки человека на Луну и войны во Вьетнаме, то есть на фоне всего, что помимо желания и воли входило в жизнь среднего американца. Посолидневший Гарри (действие происходит через десять лет после событий, описанных в первой книге) возвратился к жене и ребенку, стал консерватором и конформистом, жаждущим стабильности и покоя.

Но на этом эпопея не закончилась. Последовали третий и четвертый романы о ставшем знаменитом Гарри Энгстроме. В третьей книге «Кролик разбогател», написанной в 1981 г., Гарри Энгстром смирился со своей жизнью, стал успешным предпринимателем, отцом, супругом, игроком в гольф. Благополучие и секс для него теперь являются главной целью жизни. Прежние

поиски смысла жизни не играют для него больше никакой роли.

И наконец, в 1990 г. вышел роман «Кролик на покое», в котором богатство становится для Гарри единственной настоящей целью. В этом романе писатель прощается со своим героем: во время игры в баскетбол у Кролика случается инфаркт, и он умирает, а со смертью Кролика главным героем романа становится его сын.

Романы о Кролике принесли Апдайку престижные литературные премии: Высшую премию Национального объединения литературных критиков, Пулитцеровскую, Американскую книжную премию. Получая очередную награду, Апдайк сказал: «В наше время, когда значительно легче жаловаться по поводу кризиса, чем поддерживать мир и порядок, я растроган тем, что благодаря этой премии приобретает всеобщее признание обычное нормальное существование моего героя — человека средних лет, обыкновенного и «непосредственного» в той мере, в какой понятия эти можно распространить на всю Америку».

В своих последующих романах — «Пары», «Месяц отпуска», «Давай поженимся» — Апдайк обратился к жизни тех, кто населяет богатые американские пригороды. В них писатель показал, как охваченные жаждой потребления люди теряют

духовность, как мельчают их интересы, как постепенно единственным средством свободного волеизъявления для них становится секс. Собственно, некоторая (а иногда и значительная) «перегруженность» сексом характерна почти для всех романов Апдайка. Исключение составляет лучшая его книга — «Кентавр». В ней много автобиографического, но писатель вводит в роман параллели с древнегреческой мифологией, как бы отождествляет своего героя Колдуэлла, «художника-абстракциониста средней руки», с кентавром Хироном, поднимая тем самым проблемы будничного существования американца середины XX века на уровень вечных проблем. К роману «Кентавр» близка и повесть «Ферма».

Через все творчество писателя — от ранних рассказов до романа «Версия Роджерса», написанного в середине 90-х годов, — проходит вечная тема бессмертия. Для многих романов писателя характерны попытки преодолеть страх смерти любовью, сексуальным «возрождением». В «Кентавре» проблема смерти сопряжена с поисками смысла жизни, с преодолением отчуждения, с утверждением доброты.

Джон Апдайк написал 51 книгу, включая сборники коротких рассказов, стихотворений и критических статей. Долгие годы критики именовали писателя «живым классиком

американской литературы». Но 27 января 2009 года Джон Апдайк покинул этот мир.

**Гийом Аполлинер. Настоящее имя —
Вильгельм Аполлинаруй
Костровицкий
(26.08.1880 — 9. 11.1918)**

Французский поэт.

Сборники стихов «Бестиарий, или кортеж Орфея», «Алкоголи», «Калиграммы»; поэмы «Кортеж», «Вандемьер»; роман «Сидящая женщина»; повесть «Убийство поэта».

Во Франции поэтам всегда отводилось самое почетное место в литературном пантеоне. Так было с Бодлером, Рэмбо, то же самое случилось и с Гийомом Аполлинером, правда, в отличие от них, жизнь он прожил более счастливую. Значительная часть стихов, помещенных в свое время в разных журналах или оставшихся в рукописях, была издана посмертно. А первое собрание стихотворений поэта было осуществлено лишь в 1956 г., то есть спустя почти сорок лет после смерти поэта.

Исследователи творчества Аполлинера считают, что для французской литературы он сделал ничуть не меньше, чем любой другой классик, включая Бальзака и Гюго. А ведь он даже не был французом в юридическом смысле этого слова. Он, по сути, находился в положении человека без родины, и французского гражданства добился только в 1916 г., за два года до своей кончины. Мать Гийома, Анжелика Костровицкая, была дочерью польского шляхтича. Сбежав в Рим с итальянским офицером, отпрыском знатного рода, она родила от него двоих внебрачных детей. Крестили Гийома в одной из римских церквей и записали без имени отца. Так что фамилия поэта была Костровицкий, пока он не взял литературный псевдоним Аполлинер — от имени Аполлинарий, которое было дано ему при крещении.

Полуромантическая, полуавантюрная история его рождения дала впоследствии Гийому повод для всяческих мистификаций. Он намеренно окружал ее тайной, намекая на самые фантастические версии: то он был сыном принца Монако, то его отец был кардиналом, а иногда на вопрос о его происхождении отвечал скептическим смехом или глубокомысленным молчанием. Впрочем, сам поэт, видимо, знал цену домыслам и слухам, и в дальнейшем они немало способствовали его поэтической славе.

Раннее детство Гийома прошло в Италии, откуда он попал в монастырскую школу в Монако. Зачислить мальчика в это заведение помог брат отца дон Ромарино, аббат ордена бенедиктинцев. Он же взял племянника под негласную опеку.

Жизнь на Средиземноморье сделала из Гийома настоящего южанина, что проявилось даже в облике поэта. Южный темперамент породил и соответственное отношение к женщинам, и страсть к бродяжничеству, и влечение к поэтическому слову, и тягу к свободе.

После окончания лицея Аполлинер перепробовал множество профессий: был домашним учителем, работал в банке, служил редактором делового бюллетеня «Спутник рантье». Но по-настоящему он мечтал только о литературной славе.

В 1904 г. Аполлинер познакомился с Пабло Пикассо, который стал его близким другом. Так возникло единение двух будущих основателей нового направления в поэзии и живописи, союз двух ниспровергателей традиционных форм и образов. Аполлинер много писал о живописи, он же стал одним из первых апологетов кубизма, постепенно приучая парижскую публику к столь вызывающему стилю в живописи.

Однако парижская жизнь требовала расходов. Прибыли от «Спутника рантье» хватало только на скромные текущие нужды. В поисках дополнительного заработка Аполлинер решил писать прозу. Им были написаны два эротических романа с элементами порнографии и под псевдонимом напечатаны у некоего подпольного издателя. Тексты эти современному читателю неизвестны, и то, что они до сих пор находятся в закрытых хранилищах библиотек, лишь подчеркивает уважение французов к своему великому соотечественнику.

Были в творческой биографии поэта и забавные эпизоды, вполне в духе Аполлинера-мистификатора. Редактор выходящего в Брюсселе журнала «Марж» обратился к нему с предложением вести в журнале женскую хронику. Аполлинер согласился и взял псевдоним Луиза Лаланн. Париж и Брюссель долго гадали, кто эта

талантливая провинциалка, так хорошо разбирающаяся в литературе и живописи.

Жизнелюбие поэта не знало границ, в том числе и в его отношениях с женщинами. В 1901 г. Аполлинер, учительствуя в Германии, познакомился с гувернанткой графини Мильгау, красивой англичанкой Ани Плейден. В стихах его появляются мотивы любви и страдания, которые потом во множестве вариантов зазвучат уже в зрелой поэзии. Любовь Гийома и Ани напоминает сюжет сентиментального романа. Когда Аполлинер приехал в Лондон, чтобы предложить руку и сердце своей возлюбленной, то получил отказ. Девушка не только отвергла предложение, но, боясь связать свою жизнь с Аполлинером, который пугал ее своей эксцентричностью, решила уехать в Америку служить гувернанткой. В Америке Ани прожила всю жизнь, вышла замуж, затем овдовела. Через сорок лет после разлуки с Аполлинером ее разыскал биограф поэта Робер Гофен. Он выяснил, что Ани даже не знала, что ее имя запечатлено в биографии Аполлинера, ставшего классиком французской литературы. Вспоминая о своей любви, она сказала биографу: «Те, кто знает его поэзию, должны быть благодарны мне, что я не вышла за него. Если бы я сделала это, как знать, может быть, такие стихи никогда бы и не появились. Редко бывает, чтобы поэт создавал

поэтический памятник своей жене, обычно это — достояние неразделенной любви».

Ани Плейден посвящено одно из самых известных стихотворений поэта «Эмигрант из Лэндор-роуд», а также «Кельнская дева с цветком фасоли в руке» и «Ани».

1907 г. в жизни Аполлинера был переломным: преодолен трудный порог нового искусства, а одинокое сердце поэта познало, наконец, радость новой любви. В мае Пикассо познакомил его с молодой художницей Мари Лорансен, очаровательной двадцатидвухлетней парижанкой. Любовь поэта сформировала из нее прелестную женщину, полную своеобразной привлекательности. Их роман длился пять лет, но тоже закончился драматично. Мари разорвала свои отношения с Аполлинером, найдя солидного и внушающего доверие мужа. Увы, ее брак оказался несчастливym. История любви к Мари описана Гийомом в романе «Убийство поэта». Есть там горестные строчки: «Каких только чудес не совершает любовь поэта! И как при этом она мучительна! Как много в ней печали, как часто приходится мириться с молчанием».

Разрыв с Мари Аполлинер переживал тяжело. Нежелание жить, упадок сил и воли преобразили его до неузнаваемости. В этот период он пробует курить опиум в надежде, что наркотики смогут дать

ему утешение и забвение. Однако наркомана из него не вышло, отупение и безволие, вызываемые действием опиума, будили в нем естественный протест.

И все же, после трудных дней болезненного оцепенения, Аполлинер вновь возвратился к работе. Поэма «Зона» стала произведением, которое критика признала «истинно аполлинеровским». Она напоминала поэтическую автобиографию: детство, зрелые годы, разочарования, неудачи, тревоги любви подлинной и беды любви продажной, неверие и сомнения — все это комментарии к жизни Аполлинера довоенного периода; и биография эта достовернее многих сохранившихся рассказов о поэте, часто искажающих его облик.

В 1913 г. вышел в свет том избранных произведений «Алкоголи». Первоначально он должен был называться «Водка», поскольку в нем были строки:

И пьешь ты огненную боль,
И огненную боль ты пьешь, как алкоголь.

После многих колебаний поэт, наконец, остановился на заглавии «Алкоголи», подразумевающим, что жизнь XX века похожа на спирт. Стихотворения, включенные в «Алкоголи», можно условно разделить на три группы:

романтические рейнские стихи и «Песнь несчастного в любви»; стихи середины 90-х годов, в которых преобладало увлечение кубизмом; и лирико-эпические стихотворения начала 10-х годов, где преобладала реалистическая тенденция. Впоследствии возникла версия, что будто бы набор пестрел многочисленными опечатками, которые касались знаков препинания. Прочитав корректуру до середины, Аполлинер, которому надоело править рукопись, просто убрал все точки и запятые. Возможно, что автор этой версии сам Аполлинер, придумавший ее, чтобы избавиться от расспросов, почему в его стихах нет знаков препинания.

В первые дни выхода этого сборника критики, как будто сговорясь, обрушили на поэта целые потоки злобы. Их негодование усугублялось тем, что одновременно с «Алкоголями» была опубликована книга Аполлинера о живописи под названием «Кубисты. Эстетические размышления», в которой были собраны статьи, эссе, очерки, печатавшиеся ранее в различных журналах. Аполлинер даже пытался вызвать на дуэль Жоржа Дюамеля, одного из наиболее яростных своих критиков.

Несмотря на нападки прессы, имя Аполлинера уже стало известным и в Германии, и в Италии. На него ссылались, его цитировали.

Первая мировая война, начавшаяся в августе 1914 г., коснулась и судьбы поэта. Он принял решение участвовать в боевых действиях, явившись в Бюро вербовки с просьбой мобилизовать его. И Аполлинера зачисляют в 38 артиллерийский полк в городе Ним.

В армии произошло нечто непредвиденное для тех, кто знал поэта: этот «певец меланхолии и тщеты жизни» вдруг нашел себя в воинской службе, в ее жестоком, чисто физическом труде. Мужская солидарность, верность которой становится делом чести, прекрасные физические данные помогали ему переносить тяготы воинской службы. Командование по достоинству оценило участие Аполлинера в боевых действиях, наградив его Боевым крестом. «На него было приятно смотреть, — писал один из друзей. — Сильный, ловкий в военной форме, добрый, без капли желчи, он стал общим любимцем: особенно привлекали к нему жизнерадостность и великодушие, его смешные рассказы. Особенно блистал он за общим столом».

17 марта 1916 г. Аполлинер был ранен в голову осколком снаряда. Осколок пробил каску чуть правее виска. Последствия ранения — бездействие левой руки и усиливающийся паралич всей левой стороны тела. Врачи решаются на операцию. Трепанация черепа прошла удачно. Но у

Аполлинера все чаще стали случаться приступы болезненной раздражительности.

Весной 1917 г. Аполлинер познакомился с Жаклин Кольб, девушкой доброй, с мягким, уступчивым характером, и в мае 1918 г. женился на ней. В роли свидетеля выступал его старый друг Пикассо. Жаклин окружила поэта теплом и заботой, он стал безраздельным хозяином в доме, его привычки, его слабости были для нее законом.

Воспоминания друзей периода 1916–1918 гг. касаются болезни поэта и кратковременного выздоровления. В них проскальзывают нотки жалости к Аполлинеру, который стал просто неузнаваем. Его поведение объясняли как влиянием войны, так и перенесенной операцией, отразившейся на его нервной системе.

9 ноября 1918 г., заболев гриппом, свирепствовавшим во Франции, Аполлинер скончался.

Поэта похоронили на кладбище Пер-Лашез. В последний путь его провожала огромная толпа друзей — художников, журналистов, товарищей по оружию. У могилы военный эскорт дал почетный залп. На могильной плите Аполлинера высечен последний монолог поэта:

Наконец я избавился сам
От собственных свойств прирожденных.

Могу умереть, согрешить — никогда.

**Анна Андреевна Ахматова.
Настоящая фамилия — Горенко
(23.06.1889 — 5.03.1966)**

Русская поэтесса.

Книги стихов «Вечер», «Четки», «Белая стая», «Подорожник», «Анпо Domini», «Бег времени»; циклы «Тайны ремесла», «Ветер войны», «Северные элегии»; поэмы «Реквием», «Поэма без героя»; статьи о Пушкине и др.

Анну Ахматову современники именовали торжественно и величаво — «Анна всея Руси». Действительно, в ее облике, в осанке, в обращении с людьми было что-то величественное, горделивое. Не случайно ее поэтический «крестник» Иосиф Бродский говорил, что, глядя на Ахматову, он представлял себе, что такой, вероятно, могла быть императрица Екатерина II. А немецкий писатель Г. В. Рихтер, присутствовавший при вручении Ахматовой литературной премии в Таормине в Италии, называя ее «царицей поэзии», писал: «Анна Ахматова... высокая женщина, на голову выше всех поэтов среднего роста, подобная статуе, о которую разбивались волны времени с 1889 г. и до наших дней. Видя, как она шествует, я внезапно понял, почему в России время от времени могли править именно царицы...»

Естественность, простота и горделивость были присущи Ахматовой в течение всей жизни, где бы она ни пребывала. Даже в поздние, нелегкие для нее годы, в очереди за керосином, в переполненном ташкентском трамвае, в больнице, люди, не знавшие ее, сразу замечали в этой женщине «спокойную величавость», неизменно вызывавшую восхищение. Ее прекрасной внешности гармонически соответствовало истинное величие духа и огромная душевная сила.

Высокая свобода души давала Анне Ахматовой возможность стоически переносить клевету и предательство, обиды и несправедливость, нищету и одиночество, которыми так была полна ее жизнь. И проходила Ахматова через все невзгоды так, будто мир земных реальностей для нее не существовал. Однако во всем, что было в этом мире, она оставляла свои знаки добра, сострадания и правды. Наверное, поэтому поэзия Ахматовой, наполненная светом, музыкой и тихой печалью, звучит так легко и свободно.

Родилась Анна Андреевна на юге России, в Одессе 11 июня 1889 г. в семье инженер-капитана 2-го ранга Андрея Антоновича Горенко и Инны Эразмовны (в девичестве Строговой). Спустя два года супруги Горенко переехали в Царское Село, где Аня училась в Мариинской гимназии. Она прекрасно владела французским, читала в подлиннике Данте. Из русских поэтов первыми открыты были ею Державин и Некрасов, затем открылся Пушкин, любовь к которому осталась на всю жизнь.

В 1905 г. Инна Эразмовна развелась с мужем и переехала с дочерью сначала в Евпаторию, а затем в Киев. Здесь Анна закончила Фундуклеевскую гимназию и поступила на

юридический факультет Высших женских курсов, отдавая все же предпочтение истории и литературе.

Со своим будущим мужем поэтом Николаем Гумилевым Аня Горенко познакомилась еще четырнадцатилетней девочкой. Позже между ними возникла переписка, а в 1909 г. Анна приняла официальное предложение Гумилева стать его женой. 25 апреля 1910 г. они обвенчались в Николаевской церкви села Никольская слобода под Киевом. После венчания молодые отправились в свадебное путешествие, пробыв в Париже всю весну.

С 10-х годов началась активная литературная деятельность Ахматовой. В это время начинающая поэтесса познакомилась с Блоком, Бальмонтом, Маяковским. Свое первое стихотворение под псевдонимом Анна Ахматова она опубликовала в двадцатилетнем возрасте, а в 1912 г. вышел первый сборник стихов «Вечер». Своим именем Анна Андреевна всегда очень гордилась и даже выразила это чувство в стихотворных строчках: «В то время я гостила на земле. Мне дали имя при крещенье — Анна, сладчайшее для губ людских и слуха» — так гордо и тожественно писала она о своей юности. Гораздо менее известно, что когда молодая поэтесса поняла свое предназначение, то не кто иной, как отец Андрей Антонович запретил ей подписывать свои стихотворения фамилией

Горенко. Тогда Анна и взяла фамилию своей прабабушки — татарской княгини Ахматовой.

Сразу же после издания сборника «Вечер» Ахматова и Гумилев совершили новое путешествие, на сей раз по Италии, а осенью того же 1912 г. у них родился сын, которому дали имя Лев. Писатель Корней Чуковский, познакомившийся с Ахматовой в это время, так описывал поэтессу: «Тоненькая, стройная, изящная, она ни на шаг не отходила от мужа, молодого поэта Н. С. Гумилева, который тогда же, при первом знакомстве, назвал ее своей ученицей. То было время ее первых стихов и необыкновенных, неожиданно шумных триумфов».

Анна Ахматова очень рано поняла, что писать надо только те стихи, которые «если не напишешь, то умрешь». Иначе, как она считала, нет и не может быть поэзии. А еще, чтобы поэт мог сочувствовать людям, ему надо пройти через отчаяние, горе и научиться преодолевать их в одиночку.

В марте 1914 г. вышла вторая книга стихов «Четки», которая принесла Ахматовой уже всероссийскую известность. Следующий сборник «Белая стая» увидел свет в сентябре 1917 г. и был встречен довольно сдержанно. Война, голод и разруха отодвинули поэзию на второй план. Но те, кто знали Ахматову близко, хорошо понимали и значимость ее творчества.

В марте 1917 г. Анна Андреевна проводила Николая Гумилева за границу, где тот служил в Русском экспедиционном корпусе. А уже в следующем 1918 г., когда он вернулся из Лондона, между супругами произошел разрыв. Осенью того же года Ахматова вышла замуж за В. К. Шилейко, ученого-ассиролога и переводчика клинописных текстов.

Октябрьскую революцию поэтесса не приняла. Ибо, как она написала, «все расхищено, предано, продано; все голодной тоскою изглодано». Но Россию не покинула, отвергнув «утешные» голоса, звавшие на чужбину, где оказались многие ее современники. Даже после того, как в 1921 г. большевики расстреляли ее бывшего мужа Николая Гумилева.

Декабрь 1922 г. ознаменовался новым поворотом в личной жизни Ахматовой. Она переехала к искусствоведу Николаю Пунину, позже ставшему ее третьим мужем.

Начало 20-х годов отмечено новым поэтическим взлетом Ахматовой — выходом поэтических сборников «Anno Domini» и «Подорожник», закрепивших за ней славу выдающейся русской поэтессы. В эти же годы она серьезно занималась изучением жизни и творчества Пушкина. Результатом этих исследований стали работы: «О Золотом петушке», «Каменный гость»,

«Александрина», «Пушкин и Невское взморье», «Пушкин в 1828 году».

Новые стихи Ахматовой с середины 20-х годов печатать перестали. Ее поэтический голос умолк вплоть до 1940 г. Для Анны Андреевны наступили тяжелые времена. В начале 30-х годов был репрессирован ее сын Лев Гумилев, переживший в период репрессий три ареста и проведенный в лагерях 14 лет. Все эти годы Анна Андреевна терпеливо хлопотала об освобождении сына, как хлопотала она и за арестованного в то же страшное время своего друга, поэта Осипа Мандельштама. Но если Лев Гумилев все же впоследствии был реабилитирован, то Мандельштам погиб в 1938 г. в пересыльном лагере по дороге на Колыму. Позже судьбам тысяч и тысяч заключенных и их несчастным семьям Ахматова посвятила свою великую и горькую поэму «Реквием».

В год смерти Сталина, когда начал отступать ужас перед репрессиями, поэтесса произнесла пророческую фразу: «Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили. Началась новая эпоха».

Отечественная война 1941 г. застала Анну Андреевну в Ленинграде. В конце сентября, уже во время блокады она вылетела сначала в Москву, а

затем эвакуировалась в Ташкент, где жила до 1944 г. Здесь поэтесса чувствовала себя не так одиноко. В обществе близких и приятных ей людей — актрисы Фаины Раневской, Елены Сергеевны Булгаковой, вдовы писателя. Там же она узнала о переменах в судьбе своего сына. Лев Николаевич Гумилев просил отправить его на фронт, и просьбу его удовлетворили.

Летом 1944 г. Ахматова вернулась в Ленинград. Она выезжала на Ленинградский фронт с чтением стихов, с успехом прошел ее творческий вечер в Ленинградском доме писателей. Весной 1945 г., сразу после победы, ленинградские поэты, в их числе и Ахматова, с триумфом выступали в Москве. И вдруг все оборвалось. 14 августа 1946 г. было опубликовано печально-знаменитое постановление ЦК КПСС «О журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором творчество А. Ахматовой и М. Зощенко определялось как «чуждое идеологически». Общее собрание ленинградской творческой интеллигенции дружно одобрило линию ЦК по отношению к ним. А через две недели Президиум правления Союза писателей СССР постановил «исключить Анну Ахматову и Михаила Зощенко из Союза советских писателей», тем самым оба литератора практически лишались средств к существованию. Ахматова вынуждена была зарабатывать на жизнь переводами, хотя

всегда считала, что переводить чужие и писать собственные стихи немислимо. Она выполнила несколько серьезных в художественном отношении работ, среди которых переводы трагедии Гюго «Марион Делорм», корейской и китайской поэзии, лирики древнего Египта.

Опала была снята с Ахматовой лишь в 1962 г., когда из печати вышла ее «Поэма без героя», которая писалась 22 года, а в 1964 г. увидел свет поэтический сборник «Бег времени». Любители поэзии приняли эти книги с восторгом, впрочем, они Ахматову никогда и не забывали. Несмотря на долгие годы молчания, ее имя, произносимое с неизменным глубоким почтением, всегда стояло в первом ряду русских поэтов XX века.

В 60-е годы к Ахматовой наконец пришло мировое признание. Ее стихи появились в переводах на итальянском, английском и французском языках, за границей стали выходить ее поэтические сборники. В 1962 г. Ахматовой была присуждена Международная поэтическая премия «Этна-Таормина» — в связи с 50-летием поэтической деятельности и выходом в Италии сборника избранных произведений Ахматовой. Процедура вручения премии проходила в старинном сицилийском городе Таормина, а в Риме в советском посольстве был дан прием в ее честь.

В том же году Оксфордский университет принял решение присвоить Анне Андреевне Ахматовой степень почетного доктора литературы. В 1964 г. Ахматова побывала в Лондоне, где состоялась торжественная церемония ее облачения в докторскую мантию. Церемония прошла особенно торжественно. Впервые в истории Оксфордского университета англичане нарушили традицию: не Анна Ахматова всходила по мраморной лестнице, а ректор спускался к ней.

Последнее публичное выступление Анны Андреевны состоялось в Большом театре на торжественном вечере, посвященном Данте.

Она не сетовала на возраст, и старость приняла как должное. Осенью 1965 г. Анна Андреевна перенесла четвертый инфаркт, а 5 марта 1966 г. она скончалась в подмосковном кардиологическом санатории. Похоронили Ахматову на Комаровском кладбище под Ленинградом.

До конца жизни Анна Андреевна Ахматова оставалась Поэтом. В своей короткой автобиографии, составленной в 1965 г., перед самой смертью, она писала: «Я не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя со временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической

истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных».

**Джордж Гордон Байрон. Полное имя
Байрон Джордж Ноэл Гордон
(22.01.1788 — 19.04.1824)**

Английский поэт.

Поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда», «Шильонский узник», «Гяур», «Корсар», «Лара» и др.; сатирико-нравоописательная эпопея «Дон Жуан»; философская, любовная и политическая лирика.

Английский поэт Джордж Байрон принадлежал к тем великим личностям, в которых творчество тесно переплеталось с судьбой, ставшей легендой, овеянной первыми романтическими порывами XIX в. Притягательный образ гения складывался из ярких и неповторимых черт жизни и творчества — блистательных стихов, авантюрных приключений и, конечно же, любовных походов. Явление «байронизма» было для своего времени предметом и восхищения, и злорадства, и зависти, и своего рода болезнью, от которой не уберёгся ни один выдающийся поэт XIX в.

Байрону в жизни благоприятствовало все: природа дала ему красоту и талант, аристократические корни — благородство, эпоха — романтический склад ума. И поэт сполна использовал все эти дары. Обделен он был лишь одним — долголетием. Но и ранняя смерть только способствовала славе Байрона, окончательно упрочив фундамент памятника, на котором он высится и поныне.

Джон Гордон Байрон родился 22 января 1788 г. Как по линии отца, так и по линии матери, он происходил из старинной аристократии Великобритании — английской и шотландской. Ко времени рождения Джорджа семья, однако, уже сильно обеднела. Родители вскоре разошлись, отец

уехал во Францию, где спустя несколько лет умер. До десяти лет Байрон жил с матерью в шотландском городе Эбердине, где учился в пятиклассной грамматической школе.

В 1798 г. пришло известие о смерти двоюродного деда Уильяма Байрона, вследствие чего титул лорда, шестого барона из рода Байронов, переходил к юному Джорджу Гордону. Кроме того, он получил в наследство Ньюстедское аббатство, расположенное в Ноттингемском графстве. Владение деда, правда, оказалось в полном запустении, денег на его восстановление не было, и Кэтрин, матери Джорджа, пришлось сдать аббатство в аренду, а самой поселиться с сыном неподалеку, в городке Саутвелле.

Детство Байрона было омрачено не только бедностью, но и врожденной хромотой. И хотя прихрамывание было малозаметным, самолюбивый юный лорд с детских лет делал все возможное, чтобы преодолеть его, усиленно занимаясь плаванием, верховой ездой, боксом, фехтованием. В свое время он был одним из лучших спортсменов Англии, а в плавании Джорджу вообще не было равных среди его физически развитых друзей.

В 1801 г. Байрон поступил в Харроу, школу закрытого типа, где обучались дети из богатых и знатных семей, где усердно изучали латынь, греческий язык и английскую литературу. В

атмосфере ханжества, угодничества, царивших в школе, Джорджу было нелегко. Болезненно самолюбивый, вспыльчивый и гордый, он чувствовал себя, несмотря на титул, «захудалым дворянином». И ему пришлось приложить немало усилий, чтобы завоевать внимание и уважение товарищей по школе.

В 1803 г. во время каникул пятнадцатилетний Байрон со всей юношеской страстью влюбился в юную Мэри Чаворт, имя которой сохранилось в истории лишь благодаря тому, что ей был посвящен ряд стихотворений поэта и поэма «Сон».

В октябре 1805 г. лорд Байрон поступил в кембриджский Колледж Св. Троицы, высшее учебное заведение тогдашней Англии. Там, наряду с изучением серьезных наук, Байрон присоединил к своим спортивным увлечениям карточную игру и «искусство непомерного поглощения алкоголя».

Шалости молодого лорда поражали и восхищали многих его друзей. Чего стоит, к примеру, случай, когда Байрон, решив наказать скучного лектора, привел в лекторий огромного ручного медведя и вступил в пререкания с университетской прислугой на тему, имеет ли право этот «благонамеренный и честный медведь получить образование в самом лучшем колледже в свободной Англии».

В Кембридже Байрон начал писать стихи. Уже в 1806 г. в печати появилось тридцать восемь стихотворений под названием «Мелкие произведения». Этот сборник был впоследствии скуплен и уничтожен самим поэтом. Через год, ко дню бракосочетания его сводной сестры Августы Байрон с полковником Ли, вышел второй сборник под названием «Стихи на разные случаи», где было уже сорок восемь стихотворений. Стихи из этих сборников составили книгу «Часы досуга». Хотя автор и заверял в предисловии к ней, что это его «первая и последняя попытка», стихами заинтересовался влиятельный журнал «Эдинбургское обозрение» и откликнулся на них резкой анонимной рецензией, буквально уничтожающей начинающего поэта. Байрон не остался в долгу, и его ответом стала сатирическая поэма «Английские барды и шотландские обозреватели», вышедшая в марте 1809 г., в которой он развенчал злобные выпады рецензента, а заодно досталось и всем критикам. Поэма, подобно разорвавшейся бомбе, всколыхнула всю литературную общественность Великобритании.

В конце июля 1809 г. Байрон отправился в двухлетнее путешествие, побывал в Португалии, Испании, Албании, Турции, Греции. Любознательного поэта интересовало буквально все — народы этих стран, их жизнь, быт, культура.

В Смирне, на берегах Малой Азии, вчерне была закончена рукопись, впоследствии названная поэтом второй песнью «Чайльд-Гарольда».

Поэма «Паломничество Чайльд-Гарольда», появившаяся 10 марта 1812 г. во всех книжных магазинах Лондона без имени автора, сразу стала знаменитой. За короткий срок было распродано 14 тысяч экземпляров, тираж просто небывалый для того времени. Предвидя, что некоторые читатели будут склонны видеть в Чайльд-Гарольде самого автора, Байрон писал издателям: «Я ни в коем случае не намерен отождествлять себя с Гарольдом; я отрицаю всякое родство с ним».

С 1813 г. Байрон пишет одну за другой романтические поэмы «Гяуар», «Абидосская невеста», «Корсар», «Лара». В них уже чувствовался знаменитый байроновский трагизм, появился и романтический герой, который произвел необычайно сильное впечатление на читателей. Его благородные черты характера не декларировались, а раскрывались в действиях и поступках. Герои поэм бросали вызов обществу, мстили за зло и несправедливость, их любовь к женщине была самозабвенной и возвышенной.

Молва о знаменитом путешественнике, блистательном поэте вызвала повышенный интерес к нему светских женщин. Одна из них, Каролина Лемм, надолго задержала внимание поэта.

Отношения с этой женщиной не принадлежали к числу серьезных связей. Вначале, влюбленная в Байрона-поэта, Каролина боялась личных встреч с Байроном-человеком. Но взбалмошность и экзальтированность, присущие ее характеру, все же победили ее робость. И если первые встречи с Каролиной нравились поэту, то последующие доводили его до бешенства. Однажды она появилась в жилище поэта в костюме королевского пажа. И можно себе только представить, что испытывал Байрон, когда этот «паж» стал появляться в парламентских коридорах, на лестницах общественных зданий, преследуя свою жертву. Байрон не собирался ни ссориться с супругом Каролины, ни вступать в брак с разведенной светской дамой. Их связь, продолжавшаяся полгода, закончилась скандальным разрывом. Покинутая, обозленная Каролина в автобиографическом романе «Гленервон» изобразила своего вероломного любовника как пожирателя сердец, мрачного и жестокого типа.

В 1813 г. Байрон встретился со своей сводной сестрой Августой (у них был один отец и разные матери). При встрече в каждом из них вспыхнула страсть, результатом которой стала их дочь Минора. Биограф Байрона, французский писатель Андре Моруа довольно подробно описал в своей

книге «Письма к незнакомке» этот шокирующий факт в жизни Байрона: «Когда я писал книгу о его жизни, мне пришлось заниматься довольно щекотливыми разысканьями по этому поводу. Многие английские ученые отрицали, что Байрон и Августа Ли (его сводная сестра) вступили в преступную кровосмесительную связь. В конце концов, его родственница (в то время ей было 85 лет) допустила меня к тайным семейным архивам. Я провел волнующую ночь, расшифровывая интимные дневники и письма. К утру я уже все знал и с некоторым смущением отправился к достопочтенной хозяйке дома.

— Увы, леди Ловлас, — сказал я ей, — отпали все сомнения... Я обнаружил доказательства кровосмешения. Как добросовестный историк, я буду вынужден рассказать обо всем этом в полном согласии с документами... Заранее прошу меня извинить.

Она с изумлением воззрилась на меня:

— А, собственно, в чем вы извиняетесь?.. — спросила она. — Байрон и Августа? Ну конечно. Неужели вы в самом деле сомневались?.. Как же иначе? Два юных существа разного пола оказались вдвоем в занесенном снегом мрачном замке и провели взаперти много времени... Как же, по-вашему, они должны были вести себя?

Из этого разговора я понял, что пресловутый запрет соблюдался в Англии XIX века не столь уж и неукоснительно».

В январе 1815 г. Байрон женился на Анабелле Мильбенк, происходившей из богатой аристократической семьи. И хотя он довольно долго добивался ее руки, брак этот оказался неудачным. Через год, вскоре после рождения дочери Ады, Анабелла ушла от него, не объяснив причины своего поступка, а вскоре подала на развод. Бракоразводный процесс носил настолько скандальный характер, вызвал столько слухов и небылиц, что Байрон вынужден был покинуть Англию, и, как оказалось, навсегда. 25 апреля 1815 г. он уехал в Швейцарию. Последним стихотворением, написанным на родине, были «Стансы к Августе»:

Когда любовь бросает нас
И мы затравлены враждою —
Лишь ты была в тот страшный час
Моей немеркнувшей звездой.

В Швейцарии Байрон пробыл сравнительно недолго: уже в октябре 1816 г. он выехал в Италию. Пребывание в Швейцарии ознаменовалось важным событием — встречей с поэтом Перси Биши

Шелли. Она послужила началом прочной дружбы между двумя великими поэтами Англии.

Италия стала для Байрона страной, в которой воплотились в реальность многие его творческие и жизненные замыслы. Здесь в 1818 г. была написана и опубликована песнь четвертая «Паломничества Чайльд-Гарольда». Через три года Байрон завершил мистерию «Каин», ставшую высшим достижением поэтической драмы в истории романтизма. В Италии он продолжил работу и над поэмой «Дон Жуан», которая, к сожалению, осталась незаконченной. Было написано шестнадцать песен и начало семнадцатой. В этой поэме, как точно отметил Вальтер Скотт, «он охватывал все стороны человеческой жизни... Едва ли найдется такая страсть или такая ситуация, которая ускользнула бы от его пера».

И наконец в Италии Байрон обрел личное счастье, познакомившись в апреле 1818 г. с девятнадцатилетней графиней Терезой Гвиччиоли. Тереза была замужем, ради Байрона она оставила мужа, добилась развода и прожила с ним четыре года до отъезда в Грецию. Как писал Байрон друзьям: «Теперь я считаю себя человеком, познавшим семейное счастье».

Байрон всю жизнь был бунтарем, и именно бунтарский дух заставил его отправиться в декабре 1823 г. в Грецию, чтобы принять участие в борьбе

греческого народа против турок за свою независимость. Весной 1824 г. Байрон, будучи в экспедиции, пробыл несколько часов под проливным дождем. Сильная простуда сменилась лихорадкой, от которой он и умер 19 апреля 1824 г.

Временное правительство Западной Греции распорядилось дать 37 выстрелов из орудий, «каковое количество совпадает с возрастом покойного лорда Байрона, почетного гражданина Миссолонги, смерть которого будет оплакивать вся Греция». Гроб с телом поэта был отправлен на родину, где Байрона похоронили неподалеку от Ньюстеда, в небольшой церкви.

И по сей день, спустя почти два века, поэзия Байрона по-прежнему волнует умы людей. Словно предвидя судьбу своих стихов, поэт писал:

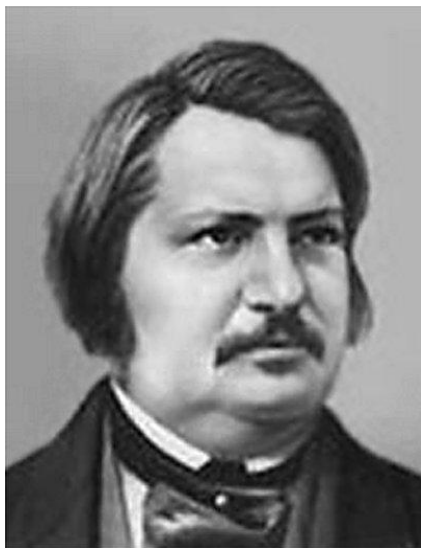
... жил я не напрасно!

Хоть, может быть, под бурею невзгод,
Борьбою сломлен, рано я угасну,
Но нечто есть во мне, что не умрет,
Чего ни смерть, ни времени полет,
Ни клевета врагов не уничтожит,
Что в эхе многократном оживет.

Оноре де Бальзак (20.05.1799 — 18.08.1850)

Французский писатель.

Цикл романов под названием «Человеческая комедия» («Этюды о нравах», «Философские этюды» и «Аналитические этюды»); сборник новелл «Озорные рассказы»; пьесы «Вотрен», «Мачеха», «Делец» и др.

«Человеческая комедия» — эпопея, состоящая более чем из 90 романов, повестей, рассказов,

связанных общим замыслом и множеством персонажей. Наиболее известные романы «Неведомый шедевр», «Шагреновая кожа», «Евгения Гранде», «Отец Горио», «Блеск и нищета куртизанок», «Утраченные иллюзии».

Одна из многочисленных легенд, сопровождавших Бальзака и при его жизни, и после смерти, касается аристократической частицы «де» в его фамилии. Биографы выяснили, что никакого права на нее Бальзак не имел. Но его жажда приобщиться к знатному роду была так велика, что пресловутая частица так и осталась в начертании имени человека, происходившего из простой крестьянской семьи. Самозванный фантазер победил, оставшись для потомков де Бальзаком. Вопреки всему, вымысел одержал победу над исторической правдой.

Принадлежность к крестьянскому сословию, правда, не помешала Бернару Бальзаку обосноваться в Париже и сделать неплохую карьеру, женившись на 18-летней Анне Шарлотте Саламбье, девушке из состоятельного буржуазного семейства.

Оноре был первенцем Бернара и Анны. От отца он унаследовал жизнелюбие, а от матери чувствительность. Воспитание и учеба юного Оноре прошли в клерикальной школе, оставившей у ее воспитанника самое мрачное воспоминание. С

12 лет он открыл для себя мир книг, жизнь для него в это время состояла из чтения. Оноре читал запоем все, что мог найти в библиотеке отца — сентиментальные романы, романтическую поэзию, исторические хроники. Феноменальная память юного Бальзака впитывала множество фактов, исторических событий, мыслей и афористичных выражений, что впоследствии в какой-то мере помогло ему создавать сотни образов и портретов в своих произведениях.

Для завершения образования родители отдали Оноре в гимназию города Тура, а затем определили в частный пансион. В январе 1819 г. Бальзак, ставший, как желал отец, «не хуже других», получил степень бакалавра. Но в молодом человеке вдруг проснулась страсть к мятежу. В один прекрасный день он бросает нотариальную контору, где служил, и решает посвятить себя литературе. Бальзак поселяется в убогой квартирке одного из бедных кварталов Парижа и принимается за дело. Через полгода на свет появляется трагедия в стихах «Кромвель». Отзыв авторитетного специалиста по изящной словесности профессора Андриэ был убийственным: произведение Бальзака объявлялось совершенно безнадежным.

Сокрушительный удар несколько охладил честолюбие юного писателя, но не отбил страсти к литературе. С удвоенной энергией он принимается

за прозу. В душной темной комнатухе он открывает целую «фабрику романов», причем пишет на всевозможные темы. 20, 30, 40 страниц в день — его суточная норма.

Правда, Бальзак понимает, что все им сочиненное — подделки, а потому и выходят они под различными псевдонимами. Распознать в этом производителе десятков перелицованных опусов будущего Бальзака можно лишь по необычайной скорости письма. Уже в 1822 г. им было написано более двадцати томов сочинений, куда входили и повести, и романы, но ни одна строчка из этих опусов не имела отношения к настоящей литературе.

Сам Бальзак в начале своей деятельности не рассматривал литературу как единственный способ завоевать Париж, даже когда опубликовал свои первые серьезные произведения. Его навязчивой идеей были деньги, и он стремился разбогатеть любыми путями, как, впрочем, и большинство его современников.

В своих книгах Бальзак ворочал огромными суммами, за-глядывал в кошелек каждому из своих персонажей, а в личной жизни носился с головокружительными финансовыми затеями, мечтая нажать большое состояние. Он испробовал множество разных способов разбогатеть и почти во всех начинаниях терпел неудачу. Бальзак хотел

жениться на какой-нибудь состоятельной вдовушке, обязательно аристократке, но женщины отказывали ему. Он построил дом — его описали за долги. Он основывал газеты — и терпел крах. Он выставил свою кандидатуру в академию — и был отвергнут. Были у него и просто фантастические прожекты (естественно, тоже безрезультатные!) как, например, выращивание ананасов под Парижем. Казалось, сама судьба оберегала его от занятий, не связанных с литературой.

И все же «счастье иногда улыбалось» Бальзаку. Первая большая любовь вошла в жизнь писателя в 1821 г. под именем мадам де Берни. Она была замужней женщиной, на 25 лет старше Бальзака, имела семерых детей и занимала довольно высокое положение в обществе. Тем не менее, это был союз родственных душ: молодой пылкий влюбленный и зрелая, умная, добрая женщина, так много сделавшая для своего друга. С момента встречи с Лорой де Берни и до конца ее жизни Бальзак в любых жизненных обстоятельствах обращался к этой женщине, ставшей для него и матерью, и сестрой, и спутницей, и возлюбленной. Именно ей он подарил роман «Луи Ламбер» с посвящением: «Ныне и присно избранной».

Перелом в творчестве Бальзака наступил в 1829 г., когда появился роман «Последний шуан,

или Бретань в 1800 г.» в 4-х томах. За ним последовали «Шагреновая кожа», сборник «Философские романы и сказки», романы «Сельский врач», «Евгения Гранде», «Отец Горио», серия «Этюды о нравах».

Слава наконец осенила своим крылом великого честолюбца. Отныне он знаменит не только во Франции, но и в Европе. Им зачитываются и в России, где первые переводы появились уже в 1831 г. Горячим поклонником и страстным пропагандистом Бальзака был Ф. Достоевский, который сделал перевод «Евгении Гранде».

Но Бальзак не довольствуется даже таким громким успехом. Он чувствует себя способным на нечто более грандиозное. Как опытный строитель составляет план будущего сооружения, так Бальзак рассчитывает свои силы, чтобы осуществить самый обширный свой замысел — эпопею «Человеческая комедия».

В процессе работы над эпопеей Бальзак открыл собственный закон писательства. Главное — это люди, они составляют и сюжет, и материал, и драму. Надо только понять их психологию, столкнуть характеры и тогда уже неважно, что и как описывать. Более того, герои могут переходить из одного романа в другой, можно описать одного банкира вместо многих, придав ему такие качества,

которые были бы характерны для всего сословия. Таким образом, произведения, входящие в «Человеческую комедию», являются как бы ступенями огромной лестницы, по которой читатель поднимается вверх.

26 октября 1834 г. Бальзак писал в своем дневнике: «Я полагаю, что в 1838 году три части этого гигантского творения будут если не завершены, то, по крайней мере, возведены в виде ярусов, возвышающихся друг над другом, и уже можно будет судить о нем в целом. В «Этюдах о нравах» будут изображены все социальные явления. Второй ярус — «Философские этюды», ибо после следствий надо показать их причины. Следующий ярус — «Аналитические этюды». Таким образом, человек, общество, человечество будут рассмотрены и подвергнуты суждению в произведении, которое является чем-то вроде «Тысячи и одной ночи Запада».

В другом месте он писал: «Я стану повелителем духовной жизни Европы! Еще два года терпения и труда — и я перешагну через головы всех, кто хотел связать мне руки и помешать моему восхождению».

Задача, которую поставил перед собой Бальзак, была поистине грандиозной. Он определил для себя такой объем работы, который позволил бы ему «встать во главе европейской литературы, заняв

место, которое до сих пор занимали Байрон, Скотт, Гете и Гофман». Рассчитав прожить, по меньшей мере, до 60-ти лет, писатель наметил и число романов — 150. Увы, Бальзак прожил всего 51 год, а задуманная эпопея осталась незавершенной. Но и то, что удалось ему сделать, поражает воображение: 97 романов, исследующих все стороны жизни общества.

В своей «Человеческой комедии» Бальзак создал собственное государство с тысячами персонажей. Здесь и министры, и чиновники, и генералы, и банкиры, распоряжающиеся финансами Европы, и светские щеголи, франты, художники. Есть и собственная пресса, обслуживаемая способными и ловкими журналистами, родовитое и молодое дворянство, мещане, крестьяне, дамы добродетельные и куртизанки.

Бальзак правил этим государством вполне профессионально: раздавал назначения и увольнял в отставку, сколачивал состояния, основывал общества, накапливал капитал, заключал и расторгал браки. Он даже менял ландшафт, воздвигая дома, прокладывая новые улицы, перекидывая через реки мосты, насаждая сады. По его желанию возникали дома, улицы, города, и читателю казалось, что все взято из действительности.

Иными словами, то, что называлось Оноре де Бальзак, было заполнено огромной толпой человеческих существ, и каждого из них хватило бы на целую жизнь, заканчивающуюся славой или богатством, нуждой или тюрьмой.

После таких нечеловеческих трудов Бальзак наконец решил осуществить свою давнюю мечту — жениться на богатой и знатной даме. Последней любовью писателя стала госпожа Ганская — супруга российско-польского барона Венцлава Ганского. Умная, образованная и богатая красавица с графским титулом очаровала Бальзака. С 1833 г. он стремился к браку с ней.

Однако прошло почти 16 лет, пока польская аристократка, похоронив мужа и выдав дочь замуж, решила на брак с великим французом. Свадьба состоялась 14 марта 1850 г. в Бердичевском костеле Св. Варвары. К этому времени писатель был уже тяжело болен. Насладиться спокойной супружеской жизнью ему так и не довелось. 18 августа 1850 г. выдающегося писателя-труженика не стало.

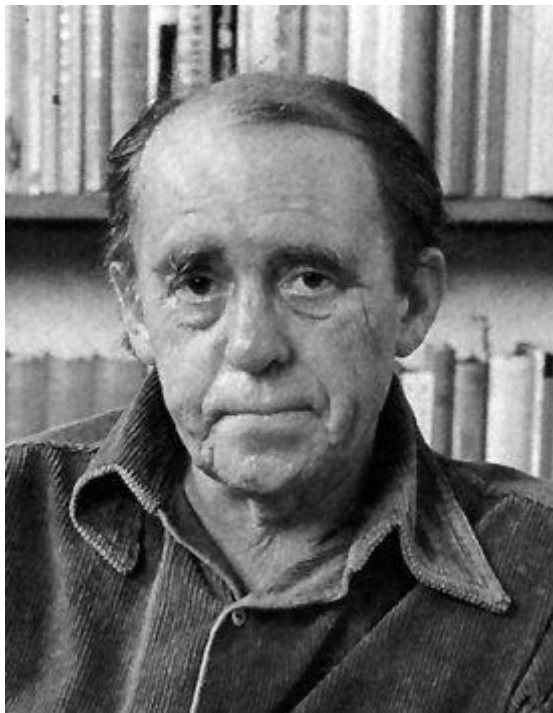
Умирал Бальзак тяжело и мучительно. Почти ослепший и оглохший, он испытывал сильнейшую физическую и душевную боль. Перед самой кончиной он произнес: «Только Бьяншон мог бы меня спасти». Бальзак остался верен себе до конца — в затуманенном сознании, в смертном бреду он жил в мире «Человеческой комедии».

В надгробной речи Виктор Гюго сказал: «Этот могучий и неутомимый труженик, этот философ, этот мыслитель, этот гений прожил среди нас жизнь, полную грез, борьбы, схваток, битвы, — жизнь, которой во все времена живут все великие люди».

Генрих Бёлль **(21.12.1917 — 16.07.1985)**

Немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии (1972 г.).

Романы «Где ты был, Адам», «И не сказал ни единого слова», «Дом без хозяина», «Бильярд в половине десятого», «Групповой портрет с дамой», «Глазами клоуна»; повести «Хлеб с ранних лет», «Самовольная отлучка», «Конец одной командировки», «Что станет с мальчиком...»; сборник рассказов «Путник, когда ты придешь в Спа...», публицистика, литературная критика.

Генрих Бёлль принадлежал к тому поколению немцев, которому выпало пройти через нелегкий нравственный выбор между насилием и подчинением. Не удивительно, что в его романах можно встретить и людей самых мирных профессий, и жестоких молодчиков, не останавливающихся ни перед какими преступлениями. Выбор Бёлля известен: он был не

только пацифистом, но и противником любого насилия, отстаивавшим права человека в абсолютном значении этого понятия. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать один из его романов, к примеру, «Бильярд в половине десятого». Наверное, поэтому Бёлль был так популярен в СССР в конце 60-х и начале 70-х годов. Его книги раскупали мгновенно, а на спектакль «Глазами клоуна», поставленный на Таганке по одноименному роману, невозможно было достать билет.

Генрих Теодор Бёлль родился в Кельне, одном из самых крупных городов Рейнской долины, в многодетной семье краснодеревщика Виктора Бёлля и Мари (Херманнс) Бёлль. Предки Бёлля бежали из Англии еще при Генрихе XIII, поскольку, как и все ревностные католики, они подвергались гонениям со стороны англиканской церкви.

Генрих увлекся литературой рано, уже в раннем детстве он начал пробовать писать стихи и рассказы, восхищал в школе учителей своими сочинениями. Правда, обстановка в Германии в то время не совсем способствовала литературной деятельности. В выпускном классе Бёлль оказался одним из немногих учеников, которые не вступили в гитлерюгенд.

Через год после окончания школы Генрих был привлечен к принудительным работам, а в 1939 г.

призван на военную службу. Служил Генрих капралом на Восточном и Западном фронтах, несколько раз был ранен, а в 1945 г. попал в плен к американцам и несколько месяцев пробыл в лагере для военнопленных на юге Франции.

В 1942 г. Бёлль женился на Анне Мари Чех, которая родила ему четверых сыновей (первенец Рене умер сразу после рождения; пережил писатель и другого сына — Раймунда, скончавшегося в тридцатипятилетнем возрасте). Анна Мари провожала Генриха на фронт, она же его встретила в Кельне после американского плена в 1946 г.

По возвращении в родной город Бёлль некоторое время учился в Кельнском университете, но из-за материальных трудностей ему пришлось оставить учебу и начать работать в мастерской отца, затем в городском бюро демографической статистики. Вскоре Бёлль с семьей переселился в небольшой поселок Мартен между Бонном и Кельном, и здесь, в сельской тиши, занялся литературным творчеством. В 1949 г. вышла в свет и получила положительный отзыв критики его повесть «Поезд пришел вовремя» — история о молодом солдате, которому предстоит возвращение на фронт и скорая смерть. Это было первое произведение Бёлля из серии книг, написанных в 50-е годы, о бессмысленности войны и тяготах послевоенных лет. Среди них наибольшую

популярность получили повести «Где ты был, Адам?» (кстати, для Бёлля она была самой любимой) и «Хлеб ранних лет».

Свой первый роман «Бильярд в половине десятого» Бёлль написал в 1959 г. В нем рассказывается о трех поколениях семьи известных кельнских архитекторов Фемелей. И хотя действие романа ограничено всего одним днем, авторские отступления дают широкую картину жизни Германии от последних лет правления кайзера Вильгельма до процветающей «новой» Германии 50-х годов. Как отмечали критики, «эта книга доставляет огромное утешение читателю, ибо показывает целебность человеческой любви».

В 60-е годы произведения Бёлля становятся композиционно все более сложными. Действие романа «Глазами клоуна», написанного в 1963 г., тоже ограничивается одним днем. Главный герой Ганс Шнип, молодой человек, сын крупных промышленников, от лица которого ведется повествование, стал клоуном, предпочитая играть роль шута, лишь бы не подчиняться лицемерию послевоенного общества. В этом романе писатель четко обозначил свои главные темы, которые он позже развил в других произведениях, — нацистское прошлое представителей новой власти, противостояние им отдельной личности и роль католической церкви в послевоенной Германии.

В 1971 г. увидел свет ставший впоследствии знаменитым роман «Групповой портрет с дамой». Он написан в форме репортажа, состоящего из интервью и документов о жизни сорокавосемилетней немки Лени Пфейфер, в девичестве Груйтен, которая в годы войны полюбила советского военнопленного Бориса Колтовского. Эта любовь разыгрывалась на фоне военных событий и вдобавок в мастерской на кладбище, где русский военнопленный и немецкие работники плели венки. Своеобразная форма романа дала возможность автору показать множество людей из всех слоев немецкого общества, в том числе и представителей нового послевоенного поколения предпринимателей и общественных деятелей ФРГ, к которым писатель испытывал явную антипатию. «Групповой портрет с дамой» был упомянут во время присуждения Бёллю Нобелевской премии в 1972 г. В решении Нобелевского комитета отмечалось, что писатель удостоивается награды «За творчество, в котором сочетается широкий охват действительности с высоким искусством создания характеров и которое стало весомым вкладом в возрождении немецкой литературы».

Ко времени получения Нобелевской премии книги Бёлля уже были широко известны не только в Западной, но и в Восточной Германии, а также в

Советском Союзе, где издавались многотысячными тиражами. Заметную роль сыграл Бёлль в деятельности международной писательской организации — ПЕН-клуба, — председателем которого он был избран в 1971 г. Ссылаясь на авторитет этой организации, он помог многим писателям, подвергавшимся притеснениям в странах коммунистического режима. В частности, Александр Солженицын, высланный из Советского Союза в 1974 г., воспользовался приглашением Бёлля пожить у него до отъезда в Париж. Для Бёлля вообще была характерна благотворительность, он жертвовал большие суммы в различные фонды, материально помогал нуждающимся коллегам-писателям. Сам он жил весьма скромно. Соседи даже удивлялись, почему фрау Бёлль ходит сама в магазины за покупками. А Анна Мари Бёлль не только занималась хозяйством, но и помогала мужу переводить на немецкий язык американских писателей, в частности Бернарда Маламуда и Сэлинджера.

В 1974 г. была издана публицистическая повесть «Поруганная честь Катарины Блюм», в которой писатель выступил с резкой критикой продажной журналистики и бульварной прессы. В памфлете, «замаскированном под беллетристику» (так называл эту повесть Бёлль), рассказывалось о некоей Катарине Блюм, экономке с безупречной

репутацией, которая невольно стала убийцей оболгавшего ее репортера Тётгена. А в 1979 г. Бёлль написал роман «Под конвоем заботы», где описал разрушительные последствия мер безопасности во время массовых беспорядков.

Говоря о Бёлле, нельзя не отметить и его активную общественную деятельность в антивоенном движении. Он испытывал большой страх перед новой войной, перед гонкой вооружений на Востоке и Западе. Как пацифист Бёлль был противником любых войн. В известном «Письме сыновьям», написанном незадолго до смерти и посвященном сыновьям Раймунду и Кристофу, есть крайне принципиальные для каждого немца слова: «Вы всегда сможете различать немцев по тому, как они называют 8 мая: днем поражения или днем освобождения».

Бёлля нередко называли «совестью немецкой нации», хотя сам он эту роль отвергал, считая, что у писателя другая задача — писатель прежде всего художник, который должен творить. Он даже переживал, что многие, в первую очередь, видят в нем какой-то символ морали и мира, недооценивая при этом его художественный талант.

Генрих Бёлль приезжал в Советский Союз семь раз. Впервые он побывал в Москве в 1962 г. Известный советский поэт и фронтовик Давид Самойлов, присутствовавший на его встрече с

московскими писателями, записал позже в своем дневнике: «Встреча с Бёллем... Я написал ему записку: «Бёлль, мы, кажется, воевали на одном фронте с разных сторон. Очень рад, что промахнулся. Надеюсь, нам не придется больше воевать и стрелять друг в друга».

Для властей СССР Бёлль, по крайней мере, официально оставался «прогрессивным» немецким писателем, лауреатом Нобелевской премии, одним из самых влиятельных людей в международном ПЕН-клубе. Писателю не отказывали во въездной визе, однако отношение к Бёллю было прохладным. Уже в 1968 г. он успел во многом «провиниться» перед советской властью. Он оказался в Праге как раз в момент вторжения войск Варшавского договора и в ряде статей и заявлений резко выступил против ввода советских танков в Чехословакию.

Последний раз Бёлль приезжал в Москву в 1979 г., и одной из основных целей этой поездки было посещение могилы его большого друга литератора Константина Богатырева, который переводил многие произведения писателя на русский язык.

Скончался Генрих Бёлль 16 июля 1985 г. в возрасте 67 лет, когда гостил у одного из своих сыновей. Он был похоронен в родном Мартене на тихом сельском кладбище.

О нем очень точно сказал писатель Чингиз Айтматов: «Генрих Бёлль выражал в своем творчестве духовный мир послевоенной немецкой интеллигенции, познавшей через потрясения горечь, боль и ответственность за прошлое. Это дается ценой огромной трагедии. Это судьба. Генрих Бёлль был художником судьбы, принадлежащей только Германии. Бёлль — это ответственность перед самим собой, Бёлль — это исповедь».

Александр Александрович Блок **(16.11.1880 — 07.08.1921)**

Русский поэт.

Книги стихов «Стихи о Прекрасной Даме», «Нечаянная Радость», «Снежная маска», «Земля в снегу», «Ночные часы», «Стихи о России», «За гранью прошлых лет», «Седое утро»; циклы стихов «Распутья», «Пузыри земли», «Фаина», «Осенняя любовь», «Вольные мысли», «Страшный мир», «Ямбы», «Итальянские стихи», «Арфы и скрипки», «Кармен», «Родина»; поэмы «Ночная фиалка», «Соловьиный сад», «Возмездие», «Двенадцать»; лирические драмы «Балаганчик», «Король на площади», «Незнакомка», «Песня судьбы»; пьеса «Роза и Крест»; литературоведческие статьи.

В молодые годы Александр Блок выглядел несокрушимым здоровяком — рослый, широкоплечий, с великолепными каштановыми кудрями, окружавшими его лоб словно венец. И

даже его меланхолическое лицо, задумчивые зеленоватые глаза излучали огромную, какую-то магнетическую силу. И как страшно читать воспоминания современников, описывавших Блока в последние годы жизни. Корней Чуковский, хорошо знавший поэта и встретивший его перед самой смертью, был потрясен: «Передо мной сидел не Блок, а какой-то другой человек: жесткий, обглоданный, с пустыми глазами, как будто паутиной покрытый... он был отрезан от всех, слеп и глух ко всему человеческому».

Блока часто называют «поэтом тайны, потаенности», «поэтом не от мира сего». Разительная перемена в его облике спустя каких-нибудь пятнадцать лет — тоже одна из тайн, которую теперь уже вряд ли кто разгадает. Разве что стихи его могут дать ключ к пониманию высшего трагизма судьбы одного из величайших русских лириков XX в.

А ведь начиналось все так счастливо и беззаботно. С самого детства Блок был окружен заботой и вниманием бабушек, теток — женщин неординарных и одаренных. Достаточно сказать, что бабушка поэта Елизавета Григорьевна прекрасно знала музыку, поэзию, с молодых лет профессионально занималась литературой, главным образом переводами, свободно владея несколькими языками. Список ее трудов огромен — от Брема и

Дарвина до Бальзака, Флобера и Мопассана. Тетки Блока тоже были не лишены писательского дара.

Родился Александр Александрович Блок 16 ноября 1880 г. в Петербурге. Его отец, Александр Львович Блок, профессор-юрист, человек с тяжелым и необузданным нравом, не смог дать счастья ни жене, ни своему первенцу. Александра Андреевна, мать поэта, вернулась к родным сразу после рождения сына.

Воспитывался Саша Блок в семье своего деда А. Н. Бекетова, ректора Петербургского университета. Отношения с отцом, изредка приезжавшим в Петербург из Варшавы, отразились позже в неоконченной поэме «Возмездие».

Вспоминая свое детство, поэт не раз говорил, что оно было «дворянским», где баловню и любимцу семьи уделялось так много внимания.

Учебу Блок начал в петербургской Введенской гимназии. В 1898 г. он был зачислен на юридический факультет Петербургского университета, позже перешел на славяно-русское отделение историко-филологического факультета, который закончил с дипломом первой степени в 1906 г.

В подмосковном имении Шахматово, где семья проводила летние месяцы, Блоку впервые открылась красота русской природы. Пейзажи этих мест узнаются в его многочисленных

стихотворениях. Самые ранние из них, включенные в посмертно вышедшую книгу «Отроческие стихи», написаны в семнадцатилетнем возрасте и выдержаны в классическом стиле.

Поводом для отроческих стихов послужила не только красота подмосковных пейзажей. Была у юноши и любовь. Возлюбленную юного Александра звали Ксения Михайловна Садовская. Это была элегантная дама с тонким профилем, синими глазами и вкрадчиво-протяжным голосом. В ту пору ей шел 38-й год. Она была замужем за видным чиновником и воспитывала троих детей. Опытная кокетка, хорошо знавшая цену своей красоте, сразу покорила 16-летнего подростка. Влюбился юный Блок отчаянно, но не безнадежно, так что и мать, бывшая ровесницей Ксении, встревожилась. В письмах к родным она, стараясь соблюсти иронический тон, писала: «Сашура у нас тут ухаживал с великим успехом, пленил барыню, мать троих детей и действительную статскую советницу. Смешно смотреть на Сашуру в этой роли. Не знаю, будет ли толк из этого ухаживания для Сашуры в смысле его взрослости и станет ли он после этого больше похож на молодого человека. Едва ли».

Александра Андреевна заблуждалась. Первый любовный роман, хотя и закончился очень скоро, оставил неизгладимый след в душе Блока и его

возлюбленной. Остались и стихи с посвящением К. М. С., которые Блок считал первым рукописным собранием своей лирики.

Судьбу бурного романа с нежностями, упреками, размолвками и примирениями решило событие, о котором Садовская до поры до времени не знала: в августе 1898 г. к Блоку пришла новая, всепоглощающая любовь к Любе Менделеевой, дочери знаменитого ученого-химика Д. И. Менделеева. Семьи Бекетовых и Менделеевых дружили давно, теперь предстояло породниться их детям. 2 января 1902 г. Блок сделал Любви Дмитриевне предложение, и оно было принято.

Люба Менделеева стала главной героиней стихотворений раннего творчества Блока. Все эти стихи составили знаменитую книгу «Стихи о Прекрасной Даме». Венчание состоялось в августе 1903 г., а последнее стихотворение этого цикла помечено декабрем того же года.

«Стихи о Прекрасной Даме» — значительное поэтическое достижение Блока, в них сочетается романтическая влюбленность и почти религиозное поклонение Возлюбленной, земному воплощению божественного образа. Прекрасная Дама была представлена как олицетворение Вечной Женственности и Мировой Души, однако чувство поэта обращено к конкретной женщине, что придавало стихам ощущение драматизма.

Разумеется, созданию таких стихов способствовало окружение поэта, обстановка благополучия и беззаботности.

Однако в реальных отношениях Блока с женой, почти лишенных физической близости, очень скоро наступила раздвоенность. Эта раздвоенность между земным и небесным породила многолетний мучительный конфликт, который особенно обострился после того, как в эти отношения активно вмешался Андрей Белый. Его увлечение женой Блока, в котором смешивались почитание «Лучезарного лика» и земная страсть, создало невыносимую ситуацию, которая едва не привела к дуэли между Блоком и Белым. Так завершился период, который Блок впоследствии назвал «мистическим шарлатанством».

Отход от символизма начался у Блока со времени революции 1905–1907 гг., воспринятой им как «веселое время» — знамение великих духовных перемен. В письме отцу Блок признавался, что органически неспособен служить «общественности»: «Никогда я не стану ни революционером, ни «строителем жизни». Однако сборник стихов «Нечаянная радость», изданный в 1907 г., все же свидетельствовал об усилившемся интересе поэта к реальному миру, хотя и воспринимаемому под знаком «мистики в повседневности».

Центральное место в сборнике «Нечаянная радость» занимает цикл из пяти стихотворений, объединенных символическим образом Незнакомки, — женщины, встреченной в дачном пригороде Петербурга, и одновременно звезды, упавшей на землю огненной кометой. Однако этот образ (особенно в одноименной драме) осмысливается уже как крушение мифа о Прекрасной Даме.

В это же время была написана драма «Балаганчик», премьера которой состоялась в театре В. Ф. Комиссаржевской. В ней «мечтательный, расстроенный и бледный» Пьеро страдает о своей «картонной невесте», покинувшей его ради Арлекина. Отношения трех персонажей (многие увидели в пьесе намек на историю отношений между Блоками и Белым) показаны как театр марионеток, герои которого истекают не кровью, а клюквенным соком. Видения символизма сменяются буффонадой, восходящей к эстетике итальянской комедии, которая у Блока, расстающегося со своей поэтической юностью, приобретает трагический оттенок.

Сотрудничество с театром совпало с еще одной, не менее драматичной любовью к актрисе Наталье Николаевне Волоховой. Довольно сложные отношения Блока и Волоховой длились почти два года, оставив заметный след в его творчестве.

Итогом этой любви стала книга стихов «Снежная маска». Все тридцать стихотворений, входящих в «Снежную маску», были написаны буквально залпом — за десять дней в январе 1907 г. Эта книга была продолжена циклом стихов «Фаина». Страсть к Волоховой оказалась для поэта «мучительной» и «нерадостной», о чем говорилось в стихах.

После 1910 г. в поэтическом творчестве Блока появляются образы хаоса, катастрофы, которые поэт предчувствовал задолго до того, как они заявили о себе Первой мировой войной и Октябрьской революцией. Этими предчувствиями полон раздел «Страшный мир» сборника «Ночные часы», увидевшего свет в 1911 г. И в поэзии, и в публицистике Блок предстает человеком «катастрофического сознания» и все больше отходит от символизма.

Последним произведением, в котором еще чувствуются идеи символизма, была драма «Роза и Крест», написанная в 1913 г. на сюжет из истории трубадуров и предназначенная для Московского Художественного театра. Столкновение действительности и мечты, которое поэт считал главной темой, образует и основной сюжет цикла стихотворений «Кармен», посвященный, как и поэма «Соловьиный сад», певице Любви Александровне Дельмас.

Призванный на военную службу в июле 1916 г., Блок вскоре после Февральской революции возвратился в Петроград, где принял участие в работе Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений царского режима (его книга «Последние дни императорской власти» вышла посмертно в 1921 г.).

Октябрьские события Блок воспринял как очищающий взрыв, испытав в январе 1918 г. недолгий творческий подъем, который ознаменовался созданием поэм «Двенадцать» и «Скифы».

В эти же годы Блок сотрудничает в культурно-просветительских учреждениях, руководит репертуарной политикой Большого драматического театра, время от времени выступает с чтением своих стихов в Петрограде и Москве. Одним из последних его выступлений стала речь «О назначении поэта», произнесенная на вечере памяти Пушкина в феврале 1921 г. В ней Блок говорил о «тайной свободе», которая необходима поэту больше, чем свобода личности или политическая вольность, и о том, что, лишившись этой свободы, поэт умирает, как Пушкин, которого «убило отсутствие воздуха». После смерти Блока эти слова стали относить и к нему самому.

Умирал Блок тяжело. С середины апреля 1921 г. он стал чувствовать какое-то непонятное

недомогание, слабость, сильную боль в руках и ногах, появились цинготные отеки, его мучила бессонница. Врачи так и не смогли поставить точный диагноз. 7 августа 1921 г. Александра Блока не стало.

Как никто из русских поэтов, Блок чувствовал гибельность мира, переживал трагедию художника, непонятого толпой. И все же он верил, что будущий читатель найдет в его стихах надежду и обновленную радость, потому и обращался с этой верой к потомкам в цикле стихов «Ямбы»:

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаясь в этом сне, —
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:
Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

Шарль Бодлер (9.04.1821 — 31.08.1867)

Французский поэт.

Книга стихов «Цветы зла»; поэтический сборник «Обломки»; «Стихотворения в прозе»; статьи об изобразительном искусстве; статьи о творчестве Э. По и переводы его произведений.

Наверное нет в мировой поэзии поэта более трагически-саркастического, чем Бодлер. В нем был заложен такой динамит бунта, вызова и протеста, что эхо взрыва до сих пор слышится в каждой строчке. Если он что-то обличал, то до полного уничтожения, если страдал, то так, что ничего другого не оставалось, как покончить с собой. А если смеялся, то каким-то нечеловеческим смехом. И при всем этом Бодлер был одним из величайших гуманистов и лириков XIX в., воспевшим «цветы зла», чтобы из них проросли цветы добра и человечности.

Шарль Бодлер был родом из семьи интеллигентной и образованной. Получил хорошее воспитание в лицеях Лиона и Парижа. Отказавшись от административной карьеры, он объявил родителям, что хочет стать писателем, но на семейном совете было решено отправить его с деловой миссией по заокеанским колониям Франции. Это путешествие лишь помогло Бодлеру укрепиться в своем настоящем призвании.

После годичного плавания двадцатилетний Бодлер возвратился в Париж, где сразу же вошел в круг романтически настроенной молодежи, увлеченной произведениями французских поэтов и публицистов. Творческая вольница привила Бодлеру вкус к дерзким речам, эпатажу и мистификациям. Врожденный артистизм натуры,

эксцентричность только добавляли куражу этому неумному в своих притязаниях молодому человеку, что много позже послужило благодатной почвой для всевозможных легенд и домыслов.

До стихов дело еще не доходило, хотя что-то Бодлер, конечно же, читал своим товарищам. Пока же, помимо внешних проявлений, шла серьезная внутренняя работа. Бодлер прилежно штудировал поэтов XVII в., гуманистов эпохи Просвещения, параллельно осваивал эстетику живописи и приучал себя к строгой дисциплине творчества.

Первые пробы пера состоялись на журнальной ниве. Бодлер опубликовал несколько статей о живописи, в которых ставил рядом современных художников-романтиков и живописцев времен Французской революции.

В 23 года Бодлеру пришлось пережить серьезную душевную драму. В 1844 г. мать и отчим — генерал Опик — добились через суд права опеки над будущим поэтом. Отныне и до конца жизни он не имел возможности распоряжаться собственными деньгами. Решение суда поставило молодого Бодлера в унижительное положение и усугубило его моральные и физические страдания. Госпожа Опик и нотариус морили поэта голодом даже тогда, когда он стал знаменитым, вплоть до паралича и смерти.

В первые дни революции 1848 г. Бодлер вместе с друзьями основал газету «Общественное

спасение», а немногим позже вошел в состав редакции газеты «Национальный трибун». Когда демократы предали восставших рабочих, поэт, рискуя собственной жизнью, вышел на баррикады. Один из друзей, видевший Бодлера во время Июньского восстания, говорил, что «поэт был отважен и готов принять смерть».

В начале 50-х годов Бодлер приступил к реализации главного труда своей жизни, — сборника стихов, который впоследствии вышел под шокирующим для нравов того времени названием «Цветы зла». Его подсказал Бодлеру один из друзей, писатель Ипполит Бабу. Бодлер считал такое название наиболее точным и грозным «портретом эпохи», когда любые цветы не бывают эталоном красоты и нежности, они олицетворяют только зло. Впрочем, первоначально поэт предполагал дать этому сборнику другое не менее вызывающее название — «Лесбиянки».

Приступая к работе, Бодлер намеревался ограничиться небольшой книжкой, которую задумал еще в юности. Но по мере написания стихов план расширялся, книга становилась масштабнее, ее тональность резко обострялась. Здесь сказались и разочарование Бодлера глухими годами реакции, и ненависть ко всему мелкобуржуазному, мещанскому, и крушение надежд на лучшее будущее Франции. Именно в

этот период Бодлер написал самые пессимистические статьи и стихи, в которых высказывался о трагедии творческой личности, о недостижимости идеала.

Цветы и зло, несовместимые в природе, соединились у Бодлера в причудливом сплетении реальных и фантастических образов. Гневные интонации, тоска и горечь перемежались с несбыточными надеждами и мечтаниями.

Поэт выделил в книге несколько разделов, центральный из которых получил название «Сплин и идеал». Английское слово «spleen» в данном контексте звучит как меланхолия, тоска по исчезнувшей красоте, а еще шире — как мировая скорбь. Именно она открывает, по замыслу поэта, путь к эгоизму, порокам, лицемерию.

«Идеал» же обозначал у Бодлера не только эстетическую категорию, но и поэзию, творчество, которое противостоит сплину.

Стихотворение «Маяки», в котором Бодлер давал оценку великим художникам прошлого, прямо указывало на то, что искусство призвано выражать и передавать из века в век все великие ценности, отражать явления духа, свидетельствующие о достоинстве человека.

И свидетельства, Боже, нет высшего в мире,
Что достоинство смертного мы отстоим,

Чем прибой, что в веках нарастает все шире,
Разбиваясь об Вечность пред ликом Твоим.

Картины, изображенные в стихах поэта, потрясают силой страсти. Порой перед ним предстают кошмарные видения, от которых невозможно освободиться, его терзает ненависть, разлитый в обществе эгоизм, иссушающий сердце.

Участь поэта, по Бодлеру, печальна и трагична именно в силу его миссии на земле. Это ощущение явственно передано в концовке одного из самых известных его стихотворений «Альбатрос»:

Так, Поэт, ты паришь под грозой, в урагане,
Недоступный для стрел, непокорный судьбе,
Но ходить по земле среди свиста и брани
Исполинские крылья мешают тебе.

На пути к достижению идеала у поэта множество преград. Это и характер искусства нового времени, и необходимость ради заработка продавать свой талант, внутренняя опустошенность, разочарование жизнью. У больной Музы рождаются и болезненные цветы.

Бодлера всю жизнь преследовали опасения, что ему не удастся выполнить свой художнический долг. Эти опасения вызывались не только личными

мотивами, болезнью и нищетой. Враждебна была к нему и официальная критика, преследовавшая поэта во все периоды его творчества. Впрочем, это не мешало ему писать с подлинным вдохновением, страстью, болью и убежденностью в своей правоте. Тем более, что философской, нравственной и социальной тематикой «Цветы зла» не ограничивались. Уже с XXII стиха цикла «Идеал и сплин» начинается раздел, посвященный возлюбленной поэта Жанне Дюваль. Отношения с этой женщиной складывались у Бодлера непросто. Жанна была, как говорили в те времена, «дамой полусвета», ее не жаловали в порядочном обществе. Но Бодлер искренне привязался к ней, считая себя в ответе за ее судьбу. Сама же возлюбленная поэта была равнодушна к его стихам и к творчеству вообще.

И все же любовная лирика не случайно появилась в «Цветах зла». Любовь — это остров отрады, то, что может спасти красоту. Любовь возвышает, она пробуждает духовные устремления. В стихотворении «*Sed non satiata*» начало звучит возвышенно и страстно:

Кто изваял тебя из темноты ночной,
Какой туземный Фауст, исчадие саванны?
Ты пахнешь мускусом и табаком Гаваны,
Полночи дитя, мой идол роковой.

Но Бодлер не был бы Бодлером, если бы он воспевал только идиллию любви. Заключительные строки этого стихотворения звучат как приговор и себе, и своей возлюбленной:

Семижды заключив тебя в свои объятия!
Не Прозерпина я, чтоб испытать проклятье,
Сгорать с тобой дотла в аду твоих простынь!

Здесь уже в тему любви вплетается тема смерти, что вызывало наибольшие нарекания у критиков. И было из-за чего возмущаться. Самое скандальное стихотворение поэта имело название «Падаль». В нем Бодлер говорил о бренности всего, что нас окружает, в том числе и о бренности идеала, который люди называют женской красотой.

Второй цикл любовной лирики относится к периоду увлечения Бодлера мадам Сабатье. Если по отношению к Жанне Дюваль Бодлер употреблял слово «сплин», то мадам Сабатье, в салоне которой в 50-е годы собирались художники и писатели, для него идеал, светлый кумир, божество:

Когда в ней равно все пленяет,
Сравненья отступают прочь,
Она, как утро, озаряет,
И утешительна, как ночь.

Последние годы Бодлера были окрашены еще большим трагизмом, в том числе и по причине все усиливающейся травли поэта и судебной расправы над ним. Власти вменяли ему в вину безнравственность, «наводнение печати нечистотами беспутства», «грубый и оскорбляющий стыдливость реализм». Бодлер был приговорен к огромному штрафу, что фактически обрекало на уничтожение не распроданный тираж «Цветов зла» и угрожало поэту и издателям разорением.

На защиту Бодлера встали видные литераторы — Флобер, Дюпон, Дельво, Гюго. Безусловно, поэту это прибавляло сил, но, увы, не снимало чувства горечи и потерянности. В этот трудный для него период он, кроме статей об искусстве и политике, писал новые стихи для книги «Цветы зла» и «Стихотворения в прозе».

Больной, измученный, поносимый властями поэт переехал в Бельгию, где провел самые ужасные дни — в нищете и забвении.

Как вспоминал современник Бодлера Эжен Крепе: «В возрасте сорока трех лет Бодлер казался старцем и являл живой образ мятежного отчаяния. Лоб еще величественно выдается из-под густых и длинных волос, в которых угадывается седина, но какая душераздирающая тоска в темных глазах,

какой в них к тому же упорный вызов!.. Поистине это лик отверженного, принявшего на себя все грехи этого мира».

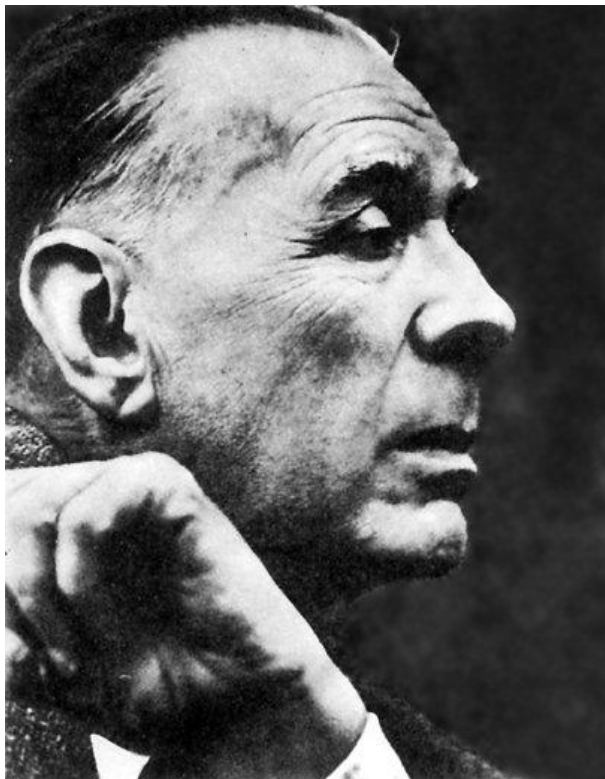
В итоге Бодлера разбил паралич, он лишился речи, и лишь на короткое время к нему изредка возвращалось ясное сознание. 31 августа 1867 г. в возрасте 46 лет Шарль Бодлер скончался.

За прошедшие годы отношение к Бодлеру изменилось кардинально. Сегодня Бодлер признанный классик не только французской, но и мировой поэзии. Поэт, описавший пороки и уродства общества во всех их проявлениях, лишь оттенил нетленные ценности бытия — красоту и божественность земного мира.

Хорхе Луис Борхес **(24.08.1899 — 14.07.1986)**

Аргентинский писатель.

Сборники новелл и прозаических миниатюр «Дискуссия», «История вечности», «Алеф», «Сад расходящихся тропок», «Вымыслы», «Другие расследования», «Книга песен», «Письмена Бога».

Трудно представить себе писателя более парадоксального, чем Борхес. Он весь соткан из противоречий, которые каким-то удивительным образом естественно и органично вплетаются в его творчество. Писатель, похоже, постоянно «играл» на самоопровержениях. У него даже есть

стихотворение в прозе «Борхес и я», в котором он то убегает, то возвращается к себе.

Многоликость этого человека поистине поразительна. Он сочинял для радио сентиментальные песни в духе городского романса и публиковал глубоко научные эссе. Он подписывал протесты против произвола аргентинских военных, а в это время критики объявляли его писателем, убегающим от реальности. Кто-то бросал ему вслед негодующее «фашист», а он в свою очередь публиковал антифашистские памфлеты. Наконец, есть мало кому известный инспектор городских рынков, и есть почетный доктор крупнейших университетов мира, лауреат бесчисленного множества литературных премий. И все это один человек — Хорхе Луис Борхес, выдающийся аргентинский писатель и мыслитель. Это определение, наверное, можно считать самым точным. Хотя сам писатель не раз утверждал, что он сам как бы нереален, и представляет собой лишь обстоятельства, возникающие вокруг некоего существа.

Хорхе Луис Борхес родился в Буэнос-Айресе 24 августа 1899 г. Его отец, Хорхе Гильермо Борхес, был профессиональным юристом и философом, собравшим огромную библиотеку классической и философской литературы на английском языке. Наличие англоязычных книг

было не случайно: по материнской линии отец Борхеса был связан с одним из известных родов в Англии — родом Хэзлем. К английскому языку приобщала детей бабушка Фанни Хэзлем, и надо сказать, что Хорхе Луис овладел этим языком в совершенстве. В шесть лет он уже читал Стивенсона, а в восемь — перевел на испанский язык одну из сказок Уайльда, которая была даже напечатана в журнале «Сур». От английской литературы Борхес воспринял любовь к парадоксам, легкость стиля и занимательный сюжет.

Первая мировая война застала семейство Борхесов в Швейцарии. Хорхе Луису пришлось учиться в Женеве, в лицее имени Кальвина, где преподавание велось на французском языке, с которым у него были определенные трудности. Помог ему соученик Морис Абрамовиц, впоследствии известный швейцарский врач. Он приобщил Хорхе Луиса и к французской поэзии.

Увлекался юный Хорхе Луис и мифами Востока. Он прочел все 17 томов «Тысячи и одной ночи» в переводе английского писателя-арабиста Ричарда Бертона, и эти сказки стали для него любимыми. И если в произведениях Борхеса встречается мысль о бесконечности и текучести культуры, то вызвана она, прежде всего, этой арабской эпопеей. «Произнести «Тысяча и одна

ночь», — говорил писатель, — это значит прибавить к бесконечности единицу. Идея бесконечности и книга «Тысяча и одна ночь» — это одно и то же». Борхес считал, что если Шахразада продлевает жизнь своими рассказами, значит время чтения и время жизни совпадают.

Книги стали для будущего писателя проводниками в огромный, непознанный мир, который был и похож и не похож на реальный. И этот мир требовал постоянного постижения, знаний, интуиции. Борхес, кроме английского и французского, самостоятельно овладел немецким языком, чтобы лучше понять философию Шопенгауэра. От немецкого мыслителя он взял только то, что касалось Востока, культуры мифа, таинства сновидений и буддизма. Собственно говоря, и реальная жизнь для Борхеса метафорически становилась книгой, которую надо было прочесть. И оценивал он ее как магическое хранилище мировых ценностей, именуемых простым словом «культура».

Массовое сожжение книг в Германии в годы фашизма показалось деятелям культуры тем же варварским актом, который всегда сопровождал правление древних диктаторов. Такого же мнения придерживался и Борхес, назвавший себя именем древнего китайского мыслителя Шиана, который в

гигантской башне оберегал последние уцелевшие книги.

Но только библиотеки были для Хорхе Луиса единственным убежищем для спасения от не всегда постижимой реальности. Две знаменательные встречи определили его творческий путь — знакомство с испанским писателем и критиком Рафаэлем Консиносом-Ассенсом и аргентинским философом Маседонио Фернандесом. С Рафаэлем Консиносом-Ассенсом Борхес познакомился в 1919 г. в Мадриде, куда родители привезли его из Женевы. Вспоминая свою встречу с начинающим писателем, Консинос-Ассенс писал: «Тихий и сдержанный, он укрощал свой поэтический темперамент счастливой трезвостью рассудка; классическая культура греческих философов и восточных сказителей уводила его в прошлое к сокровищам и фолиантам, но он не забывал и о нынешних открытиях». Рафаэль сразу понял, что перед ним большой поэт. В рецензии на поэтическую книгу «Луна напротив», вышедшую в 1926 г., он отмечал своеобразие таланта Борхеса, его религиозность и мистичность.

Сам Консинос-Ассенс был одержим культурой, он боготворил ее и пытался вводить религиозные и философские сюжеты из арабской и иудейской мифологии в художественную прозу. С его подачи Борхес воспринял идею о Боге,

пишущем книгу, которая именуется миром, и трансформировал ее. Видимые образы Бога, как считал писатель, — только оболочка, а истинный лик всегда закрыт для смертного.

В 1921 г. семья Борхесов возвратилась в Аргентину. В порту их встретил старый друг и соученик Борхеса-старшего Маседонио Фернандес. И тут же речь зашла о будущем аргентинской литературы. С этого дня Маседонио на долгие годы стал объектом поклонения Хорхе, его духовным учителем. Позже Борхес писал: «В те годы я почти переписывал его, и мое подражание вылилось в пылкий и восторженный плагиат. Я чувствовал: «Маседонио — это метафизика, Маседонио — это литература».

Впрочем, литератором Маседонио можно было назвать лишь относительно. Завсегдатай столичных кафе, любимец богемы, лектор, сам он не удосужился издать ни одной строчки. Все, о чем говорил Маседонио на лекциях, собирали и готовили к изданию поклонники его таланта. Но и этого Борхесу было достаточно для восхищения его неординарной личностью. Вслед за своим учителем он назвал философию разделом фантастической литературы, а единственной реальностью — область сна и воображения. Известные его афоризмы «Реальность — одна из ипостасей сна», «Жизнь есть сон, снящийся Богу», «Просыпаясь,